

Всеволод Георгиев

МОСКОВСКАЯ ЖИВОДЕРНЯ

Всеволод Георгиев

Московская живодерня (сборник)

«Этерна»

2010

Георгиев В.

Московская живодерня (сборник) / В. Георгиев — «Этерна»,
2010

Эти рассказы все разные: от любовной лирики до политического памфлета, от детектива до исторического очерка – но при этом схожи, потому что они о нашей жизни во всей ее многогранности.

Содержание

МОСКОВСКАЯ ЖИВОДЕРНЯ	5
КАК ВСЕ ЭТО БЫЛО	14
ЗМЕЕНОСЕЦ	26
ТОПОР ВОЙНЫ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Всеволод Георгиев

Московская живодерня

МОСКОВСКАЯ ЖИВОДЕРНЯ

*Тот век немало проклинали
И не устанут проклинять,
Но как избыть его печали,
Он мягко стлал – да жестко спать.*

А. Блок, Возмездие

- Вот, ты говоришь – испанцы!
- Я говорю?
- А кто же? Я, что ли? Я вообще молчу.
- Ну хорошо. Что «испанцы»?
- Как что? Смерть под солнцем. Коррида, тореро, момент истины! Красиво!
- Ну?
- Так мы тоже не лаптем щи хлебаем. У нас, у русских, все такое тоже водилось.
- Да ладно!

Мы лежали на вершине стога сена. Кроме этого стога, высокого и длинного, в тумане стояли его товарищи, похожие на огромных, молчаливых, косматых животных, которые вышли погастись в поле. Давно миновал Второй Спас – 19 августа, солнце садилось рано.

Наши охотничьи ружья лежали рядом. Мы уже приняли по первой стопке настоящей на лимонной корке водки, закусили черным хлебом с салом. Огурцы и помидоры лежали на чистой тряпочке. Нехитрый натюрморт: фляга с водкой, кирпич настоящего черного хлеба, большой кусок сала, овощи, все на фоне стелящегося понизу тумана. Полумрак, едва видные верхушки деревьев на фоне серого неба. Все располагало к неторопливой беседе.

Машину, ГАЗ-66, мы оставили в деревне: дальше дорог не было.

Сало было холодным и твердым, с бледно-розовой полосой. Черный хлеб, напротив, имел нездравую мягкость и гляцевую антрацитовую верхнюю корочку. Сейчас такого хлеба не делают. А тогда, в самом начале шестидесятых, если вы садились за столик в столовой, перед вами уже лежал нарезанный черный хлеб, и его можно было намазать горчицей, которая вместе с солью и перцем всегда располагалась в центре белой скатерти. Не слишком изысканно, зато бесплатно. Я хорошо помню этот черный хлеб.

Налили по второй и мечтательно устремили взоры вдаль. Вдали синел волшебный лес. Сырой воздух через много километров донес тоскливый гудок поезда. Сладко заныло сердце. Показалось, что когда-то давно я уже видел этот родной унылый пейзаж. Все это было: я лежал на мягком сене под темнеющим небом, дышал сырым воздухом, смотрел на замершее поле и едва угадывал опушку леса. Голова отдыхала, как во время молитвы. Время соединилось с пространством, и тело не чувствовало земного притяжения. Память поколений не проходит бесследно, она остается в нас.

– Я тебе расскажу, что мне дед рассказывал, – услышал я, и эти слова естественным образом улеглись в мое оцепеневшее сознание.

Он был хорошим рассказчиком, мой собеседник и старший товарищ. Я слушал, не отдавая себе отчета, во сне или наяву прилетает ко мне услышанное, прилетает и мягко ложится в память.

* * *

Сто лет назад основным транспортным средством была лошадь. Железных дорог было – раз два и обчелся. Дорогу Москва – Нижний Новгород еще не построили, а Казанскую и в помине. Она потом прошла по местности, о которой и пойдет речь. Когда построили станцию Сортировочная, появился поселок Новые Дома. Техника вторгалась в обиход. Появился котельный завод Дангауэра и Кайзера, нынешний «Компрессор».

Но это все пришло позже. А пока техника в буквальном смысле состояла из лошадиных сил.

Развивающаяся цивилизация требовала все больше энергии. Поголовье лошадей увеличивалось. Расчеты тогдашних футурологов показывали, что в следующем веке (в нашем то есть) лошадей будет столько, что их навоз заполнит улицы до второго этажа. Не случилось! Зато выхлопные газы заполнили улицы выше самых высоких небоскребов.

Лошадей было много. Костями павших лошадей даже мостили дороги. Шкуру снимали. Дед мотался по всей Москве и, если находил павшую лошадь, быстро сговаривался с хозяином и доставлял ее на живодерню, сюда, к Владимирке, за две версты от Рогожской заставы.

Дед тогда был молод, силой Бог не обидел. С детства тянулся к лошадям. Служил в кавалерии. Побывал на Кавказе, воевал чеченцев. Преследовал Шамиля, когда тот после сражения возвращался в аул Ведено, получил контузию от своей же пушки, по этой причине был отправлен домой и стал работать на живодерне.

Трупы ободранных лошадей сваливали в яму, откуда потом доставали кости. Ямы были огромные, в каждую можно было уложить хоть тысячу лошадей. Живодерня занимала обширное пространство, целое поселение с сараями, помещениями, где вытапливали сало, мыловарнями и так далее, и так далее, и так далее.

Для публики это интереса не представляло. Для публики была интересна травля. Вот там то и проводился бой быков. Вообще-то раньше травля располагалась за Тверской заставой, но потом травля переехала за заставу Рогожскую.

Быков травили собаками. Для этого содержали специальных собак меделянской породы. Это были чудовища весом по сто килограммов и более. Сказать, что волкодавы – ничего не сказать. Обычный наш среднерусский волк для такой собаки был так, комар. Складки кожи свисали с шеи собаки. Волк тщетно вцеплялся в них, нанося урон шкуре, но не внутренним органам собаки. Пес головой, как пудовым ядром, сбивал волка с ног, подминал под себя и смыкал гиреподобные челюсти на его загривке. Шея у волка, конечно, толстая и крепкая, но все же это не бычья шея. Бычью шею так просто не перекусишь. Поэтому бык был достойным соперником для нескольких псов, и, если отличался силой и отвагой, у него имелся шанс выйти из схватки победителем. Бык тоже обладал складками кожи, под которыми перекачивались железные мускулы, питаемые тестостероном, бурлящим в крови быка-производителя. От боли в кровь поступало все больше и больше этого гормона, мышцы наполнялись дикой энергией, и бывало, что бык, облепленный рычащей сворой, выбивал ворота и вырывался из круга на волю. Тогда псари долго разнимали противников, оттаскивали собак, направляли утомившегося быка сначала в загон, а затем и в стойло. Иногда часть публики выскакивала на улицу за быком, чтобы наблюдать продолжение схватки, рискуя попасть на рога или под ноги разъяренного животного.

Но мало было быков, которые могли устоять против меделянских догов. Самым главным таким быком на живодерне стал бык, которого почему-то звали Борькин. Этот Борькин поначалу был просто молодым быком, весьма стеснительным и, как казалось, даже робким. Его чуть не забраковали и не отправили на бойню.

Откуда пошло это странное имечко на аглицкий манер, неизвестно. Говорили, что получил бычка хозяин живодерни за долги от мещанина Борисова. Должно быть, поначалу быку вообще кличку не положили, называли по фамилии мещанина, все равно пускать на мясо. Борькин, Борькин – так и пошло, закрепилась за быком дурацкая кличка А оно вон как получилось! По заслугам его не Борькиным кликать, а Борис Борисычем величать.

Он был силен и крупен, а также обладал редкими длинными рогами, что давало основание некоторым высказывать мысль, что его предком, видимо, случился набредший на стадо коров дикий тур. Короче, вопреки скептикам Борькин выиграл первый бой с собаками, потом второй. Может, в нем действительно текла кровь древних буйных туров? Его стали хорошо кормить, за ним стали ухаживать по-королевски, ласкать и холить. И вот он возмужал, налился свирепостью льва и хитростью леопарда. Борькина теперь выпускали только по важным датам, когда в публике присутствовали очень богатые и очень влиятельные господа, швыряющие белые ассигнации, как бумагу. Тогда делались крупные ставки, и, вне зависимости от выигрыша, публика получала ни с чем не сравнимое удовлетворение. На обычный день в манеж выпускали быка попроще, иначе собак не напасешься, а стоили они дорого.

Рога у Борькина не стачивали, и они на кончиках сияли, как два штыка. Борькин освоил все премудрости штыковой атаки и умело пользовался ею. Другим быкам часто тупили рога, надевали на них кожаные мешочки. Тогда в круг против быка высылались всадники на отличном арабском жеребце, который ловко увертывался от быка. Это был высший пилотаж. Коников этих в конюшне живодерни содержалась всего парочка, потому что воспитать и натаскивать их, сам понимаешь, задача нешуточная.

Дед мой к травле и всем ее учениям и хитростям не касался, но всех там знал, часто ходил смотреть бой быков, в общем, был в курсе жизни.

Да, а потом произошла вот такая штука. Однажды один помещик проиграл хозяину живодерни медведя. Хозяин давно примеривался к медвежьей травле. А помещик тот, вроде пушкинского Троекурова, держал медведя, но в конце концов устал от него. Медведь – забава, пока он маленький. А как подрастет, хоть вешайся. Посмотришь – котенок, мирный, добрый, ласковый, а протянешь руку – хорошо, если успеешь отдернуть. Псаря, который за ним ухаживал с детства, стоило тому отвернуться, свалил с ног и мигом превратил в котлету. Хорошили в закрытом гробу. И вымахал тот медведь не в пример обыкновенному. Помещик специально выписал медвежонка откуда-то с Камчатки или Алеутских островов, а может, и с самой Аляски.

Когда доставили медведя на живодерню, он еще рос, но уже тогда был чуть не по плечо зрителю. Да, и это когда не на двух, а на четырех лапах стоял. Конь да и только. Хоть верхом садись. На нем помещик ездил таким макарком, пока медведь был еще мишкой, а не Михайло Потапычем. Помещик вообще с причудами был и назвал медвежонка Вольдемаром. Почему Вольдемаром, пес его знает. Ну, Вольдемар и Вольдемар. Короче, прибыл Вольдемар на живодерню настоящим зверем, хитрым, сильным, хищным, но с виду добродушным, а весил не меньше 30 пудов. Помещик собак своих брудастых против него и не помышлял ставить: прихлопнет одним махом. Не то – меделянский дог, его лапой в воздух не подбросишь.

Ну, прибыл подарочек на живодерню. Откормили его кониной, да молоком, да овсом отборным, а когда стал он клетку ломать, поставили на травлю. Получилось. Народ валом повалил. Ставки делают, кричат, свистят, чуть не лезут на арену. Воспитали вторую звезду в коллективе. Во как!

В общем, куда там испанцам, тем более португальцам. Скажешь, они до сих пор боем быков балуются, а мы по другому ведомству? Все так. Русские, они всегда все до крайности довести норовят, вот наша беда. Ударить так, чтобы кулак себе расшибить, а потом ходить инвалидом и забыть о боксе. Всякая чрезмерность дурна, и людьми не приветствуется, и люди ее избегают. Это еще Монтень сказал. Монтень, говорю, французский философ. Но мы Мон-

тень не читаем. На кой ляд нам Монтень?! Нам Монтень не нужен! Пошел он к лешему со своей филоложо... короче, со своей наукой!

Вот и наша коррида кончилась. Насовсем. Расскажу как.

Однажды хозяин живодерни проигрался в пух. И денег задолжал какую-то безумную сумму. А отдавать надо. Вот тогда он и решил разом ее огрести, устроив невиданную травлю. Столкнуть на ринге Борькина с Вольдемаром. Видно, торопился хозяин, а может, и не протрезвел еще до конца, но как решил, так и сделали.

Публика собралась самая отборная. В напитках недостатка, само собой, не было. Офицеры пришли флотские, крымцы, тоже народ, прямо скажем, крутенький. На Крымской войне прошли через смерть, в башке затонувшие корабли, погибшие адмиралы да товарищи убитые и искалеченные.

Тихо!

* * *

Откуда-то издалека донесся волчий вой. Он начинался с низкой ноты, потом брал выше и выше и внезапно оборвался. Мы приподнялись и покрутили головами. Вокруг стояла ночь. Туман ушел. Кое-какие клочки оставались, они жались к опушке леса и к подножиям стогов, но небо прояснилось, и на юге повисла луна, круглая и яркая, как хирургическая лампа. А мы и не заметили, что освещены таким прожектором. Взгляд невольно потянулся к незаряженным ружьям. Прислушались. Тишина. Выпили. Закусили. Еще прислушались. Тихо. Я опять повалялся на сено и стал смотреть на луну, по которой иногда пробегали черные тени облаков. Луна как будто ныряла в воду, неглубоко, сохраняя свое присутствие, как поплавок, выныривала и снова ныряла. Собеседник мой прожевал сало с черным хлебом, обтер губы рукой и продолжал.

* * *

Значит, в один прекрасный вечер столкнули-таки Борькина и Вольдемара. Дед говорил, что такого действия на барабанные перепонки он никогда не испытывал, даже на войне. Это был рев, от которого у всех захолонуло сердце. Все ненадолго оцепенели. Наверное, так цепенеет жертва ревущего хищника, в первое мгновение она не в силах ни спастись, ни сопротивляться. А потом толпа закричала, затопала, зашла в истерику. На кругу происходило нечто страшное и величественное. Два бойца, общим весом чуть не в полторы тонны, ловкие, смелые, опасные, то сшибались, катаясь по арене, как дерущиеся кошки, то расходились, чтобы отдышавшись, ринуться снова в бой. Все цепи были оборваны. Песок и опилки не успевали впитывать кровь. В рядах у зрителей то тут, то там тоже вспыхивали драки. Это всеобщее возбуждение, гипнотическое состояние не могло кончиться добром.

Наконец наши слоноподобные бойцы, ревя и нанося вслепую удары, проломили забор и выкатились в проход. Надо было что-то делать, и старший псарь выпустил собак: собаки всегда останавливали вырвавшихся на волю животных. Но не тут-то было! Как говорится, не на тех напали. Конечно, собаки в своих вольерах слышали шум битвы, его, наверное, было слышно аж в Анненгофской роще, куда золотари потихоньку свозили нечистоты. Собаки выли, бросаясь на стенки вольеров, они тоже всем существом поддались гипнозу боя, поэтому, когда их выпустили, они, рыча от нетерпения, тяжелым галопом бросились в гущу сражения.

Самые отчаянные из зрителей тоже не удержались и, вооружившись кто чем, бросились выручать животное, на которое они сделали ставку. Моряки выхватили кортики и, сомкнув ряды, пошли в атаку, будто она была последней. Они потерпели поражение от лягушатников

в Крыму и теперь спешили отстоять свою честь. Даешь Севастополь! Короче, случилась такая свалка, что мама не горюй.

Дед видел, как один купец с тяжелой лавкой в руках бросился защищать медведя и как тот, не разобравши дела, ударом лапы сшиб его на землю, решив, что это и есть виновник всех бед. От второго удара купца спасла лавка, она переломилась в нескольких местах, у нее подломились ножки, а большой кусок доски подлетел высоко в воздух и, описав дугу, сбил с ног какого-то человека. Часть обломков упала на купца, впрочем не причинив ему особого вреда. В это время на ушах у быка висели два огромных волкодава, еще два держали медведя за гачи, но медведь этого не замечал, и псы волочились за его задними лапами: так двое маленьких детей, играя, безуспешно виснут у отца на ногах, пытаясь удержать его на месте. Все это дед увидел как в замедленной киносъемке. Он успел скинуть пиджак и набросить его на голову медведя. Медведь замешкался, и дед выхватил купца из-под Вольдемара. Купец был тяжелый, но дед закинул его себе на спину и вынес, как выносят раненых с поля боя.

Позади остались обессиленные схваткой Борькин и Вольдемар, люди отползали в стороны, собаки хрипели, служители с ужасом смотрели на вздрагивающих медвежьих догов с выпущенными кишками. Что скажешь? Сон разума! Общее помрачение. Урок бессмысленный и беспощадный.

Вот так и кончилась московская травля. Сколько ни уговаривал потом хозяин станowego, сколько ни предлагал денег, тот был непреклонен. Всему есть предел. Двух собак пришлось пристрелить, хорошо человеческих жертв не было: так, поломанные кости да рваные раны. Борькина и Вольдемара продали за хорошие деньги. Чего зря кормить?

А дед мой от купца награду получил. Тот сказал: проси что хочешь. Ну, дед и попросил оплатить ему образование. Сказано – сделано. Дед в итоге окончил университет, стал помощником следователя. Но это уже другая история.

* * *

Я молчал, переживая картину побоища. Как бы живо ни описал ее мой собеседник, на нас все же не действовал тот звуковой фон: помрачающий сознание рев, визг, топот, крики, истошный лай, треск ломающегося дерева. Вокруг стояла тишина. Даже далеких составов не было слышно. Луна переместилась вправо и ушла из моего поля зрения. Облака исчезли, и луна светила ровным светом, прилежно и спокойно освещая замершие окрестности. И ветер стих, и деревья больше не шевелились, и душа просела, как весенний снег, безмятежно опустилась, расслабляя мышцы тела и опостылевшее напряжение ума. Славная была ночь!

Тишину снова нарушил волчий вой. На этот раз он звучал уже с более близкого расстояния, был выше и продолжительнее.

– Волчица, – сказал мой собеседник. – Стаю собирает.

– Не по нашу ли душу? – спросил я.

– А это как Бог даст.

Я посмотрел на ружья.

– Пустое, – сказал он. – На этот случай у меня тоже есть что рассказать.

Он наполнил раскладные стаканчики, и мы повторили процедуру, которая всякий раз сопровождала паузу. Сало стало еще холоднее, а хлеб снаружи немного подсох, но внутри был еще мягким и свежим.

– Вот, слушай. Случилось это, когда мой дед уже следователем работал в Зарайском уезде Рязанской губернии. Однажды на Святки пришло сообщение, что пропал один из бывших местных. Его ждали на рождественские каникулы, а он не доехал.

– Прямо как у Чехова: пропал человек.

– Так, да не так! Этот не пьяницей каким-то был, а приличный человек, приват-доцент из самой Москвы и все такое прочее. Организовали расследование. Искали свидетелей. Наконец нашли, и как-то утром заложили сани и помчались по морозцу до села, где жил свидетель. Семья знакомая, ехали как в гости, а не допрос снимать. Ну, дом с мезонином, паркет, пианино, фикус в кадке, елка до потолка, наверху восьмиконечная звезда. Самовар, баранки, пряники, варенье, наливочка, само собой, все как полагается. Тепло в доме, сухо, сибирский кот мурлычет. Свидетель – военный в синем уланском мундире с блестящими пуговицами, – вернулся из полка на побывку. Вот что он рассказал.

* * *

Оказалось, он ехал с этим приват-доцентом в одном вагоне. Познакомились, разговорились. Проводник принес чаю. Русские за беседой обязательно заспорят. Но здесь спора не было. Так, обмен мнениями.

Выяснилось, что приват шел по медицинской части, был кошкорезом, то есть ставил опыты на кошках. Ну, лягушки всякие тоже в дело шли, но это больше для студентов. Военный еще пошутил, не попадалась ли привату царевна-лягушка?

– Мне все одно, – говорит приват, – та же мускулатура, сухожилия, кости. Ежели вы про душу, то, поверьте, нет там никакой души, а сердце – просто мышечный насос.

– Вы что же, из нигилистов будете? – спрашивает военный.

– Ну уж называйте как хотите, а только то, что вы душою называете, есть химический продукт деятельности головного мозга. Человек ничем от животного не отличается. Разве что размером этого самого мозга да последующим воспитанием.

Дальше приват рассказал, что появилась теория одного англичанина, будто человек постепенно воспитался из обезьяны.

– Да разве это возможно?

– Отчего же нет? – говорит приват. – Очень даже возможно, если идти индуктивным способом.

Военный не знал, что это за способ такой, и спорить не стал. Он понимал, что здесь легко быть вовлеченным в спор о вере в Бога, а как можно спорить о вере? Вера, она и есть вера. Сам он в Боге не сомневался и с детства привык к тому, что все творится по Божьей воле.

Однако же в этой теме приват не стал останавливаться и перешел к *politique*. Он мимоходом вспомнил об общественном договоре Жан Жака и посетовал на нашу российскую дикость. «Петербург да Москва (где не без гордости резидировал сейчас приват) – вот и вся сознательная Россия», – говорил он.

Эта почва для военного была еще более скользкой, чем предыдущая. Он давно выучил, что солдат есть защитник отечества от врагов внутренних и внешних, да и сам полагал, что дух Божий присутствует повсюду, а потому не смог не воспротивиться якобинским взглядам, которые с умным видом излагал приват.

– Я, – говорит, – решительно вас не понимаю. Вы хотите бросить булыжник в колодезь. Добра от этого не жди. Вода замутится и долго будет мутной. А потом все придет в прежнее состояние. И зачем бросали? Баловство это.

Приват тоже непрост был, привел какого-то немца, который установил, что жизнь есть движение, а покой есть ничто.

На этот случай военный рассказал ему о мужике, который жил себе и жил, пока не приехал агитатор да не стал агитировать, мол, чего, мужики, хлеб жуετε, чего не бунтуете? Честь имею рекомендовать! Мужики от таких слов решили бунтовать, глядь, а тут и полиция. Сам становой приехал, собственной персоной, и ну кричать: «Чего, мужики, бунтуете, так вас и растак, чего хлеб не жуετε? Я вам ужо!» А чтобы втолковать эту мысль, отпустил каждому пле-

тей. Вот выпороли мужика, приплелся он домой, почесал мягкое место, да и запустил шапкой в угол: «Чаво, чаво? А ничаво!»

Посмеялись. Приват, он пока в пенсне приват, а так тоже ведь человек. И болеет, и потеет, и кашу ест, как все.

Ну, скоротали дорогу за беседой, а когда прибыли на свой полустанок, уже ночь установилась. Вышли на свежий воздух. Хорошо! Снег искрится, луна в поларшина, ели под снегом, задерешь голову – шапка падает. Паровоз посвистел, пыхнул паром, да утянул неспешно вагоны, оставив запах дыма и снежную пыль. Ни огонька, ни души кругом, слава тебе, Господи, луна светит, как исправный фонарь.

Покропили они снежок возле рельс. Может, и не надо было этого делать, потерпеть бы до дома, но кто знает, как путь сложится? На холодном рельсе моча застывала засахарившимся медом. Оправились, встряхнулись, застегнулись и двинулись пешком по морозцу.

Дорога частью полем, частью лесом, широкая, разъезженная за день, как шоссе. Однако до села далеко. Впереди снежное взгорье, дальше опушка леса. Смотрят – по снежной целине тени пробежали, бесшумно, будто мыши ночью по белой скатерти. На душе как-то жутко стало, жутко и мерзко. Волки. Почуяли твари человека.

Приват остановился, покачал головой. Нет дороги! Как быть?

Перекрестился военный, пойдем, говорит, а то на сочельник опоздаем, двое не один, главное, не тушеваться перед зверями.

Какое там? Приват ни в какую: «Бог с ним, с сочельником, никакого резона нет жизнью рисковать, даже ради Рождества Христова, которое, с точки зрения есть миф и опиум для страдающего народа».

– Стыдно вам такие слова говорить, – отвечает ему военный. – Просто вы робеете перед волками. А я вот читал у французов легенду о Жанне Бове, которая от убийц в лесу спасалась, тоже зимою, да набрела на стаю волков голодных. Впереди волки, позади душегубы, упала она на колени прямо в снег и стала молиться. Волки ей навстречу бегут, закрыла она глаза от страха, а они ее обогнули, да набежали на убийц подлых, да вцепились им в глотки. А Жанна Бове жива осталась.

– Не боюсь я этих тварей, – обиделся приват, – здесь простой расчет: потеряем время, зато сохраним жизнь. Вернемся и зайдем в деревню, что рядом со станцией. Да я готов целковым пожертвовать, чтобы меня в теплых санях в село доставили. Что же, жизнь моя целкового не стоит? А эти ваши Бова-королевны, да лягушки-царевны есть сказки забитого и запуганного народа, далекого от прогресса. Мы с вами люди просвещенные, современных взглядов. Это вам должно быть стыдно, что напираете на всякое мракобесие и темноту Средневековья.

– Эх! – говорит военный. – Жаль мне с вами расставаться, да, видно, придется. Не могу я опоздать. Семья за стол сядет, Бога прославит, а меня нет. Так не годится. Человек вы хороший, но уж больно умственный. Опоздаете на Рождество из-за своего упрямства.

– Да что ж, вы так один и пойдете? – спрашивает приват.

– Так и пойду.

– И не боитесь?

– Боюсь, а пойду! Да что об этом толковать? – Военный протянул привату руку. – Бог даст, свидимся!

– Шальная вы голова! – Приват крепко пожал руку военному и, постоянно оглядываясь на него, пошел обратно к хорошо видимому полустанку.

Военный глубоко вздохнул, посмотрел на звезды, перекрестился еще раз, надвинул поглубже теплую, на вате, фуражку и, не оборачиваясь, энергично пошел вперед.

Волки сидели возле опушки. Когда он стал подходить, их можно было хорошо разглядеть. Теперь они не внушали омерзения. Зрелище было скорее торжественным, где-то даже прекрасным. Впереди сидела волчица и не мигая смотрела на приближающегося человека.

Чуть позади сидел крупный волк с гордой осанкой, большой головой и пышным воротником, обнимающим шею. Он внимательно следил за военным и изредка посматривал на волчицу. За их спинами переминались еще два волка: они осторожно кружили почти на одном месте, стряхивая с лап рассыпчатый снег.

Военный весь подтянулся, переменял ногу и зашагал строевым шагом, размахивая руками и вбивая каблуки в дорогу. Снег весело скрипел под сапогами, сталью звенели положенные для парадной формы шпоры, наконец, прокашлявшись, военный чистым голосом запел «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его...».

Приват, услышав издали пение, улыбнулся, тихо радуясь, что пока они оба живы.

А военный шел и шел. Пот заливал ему глаза. Он сдвинул фуражку на затылок. Это придало ему залихватский вид, и он еще громче запел знакомый псалом, еще энергичнее стал размахивать руками.

Волчица, приподнявшись было с места, услышав громкое «Заповеждь, Боже, силою твоею...», опять уселась на снег. Двое переярков перестали топтаться на месте и замерли, только сидящий матерый все так же невозмутимо наблюдал за действием, как столичный театральный зритель наблюдает за спектаклем.

Военный миновал волков и запел «Дева днесь Пресушественнаго рождает...». Волки не тронулись с места.

Впереди замерцали огоньки домов. Издалека послышался лай собак. Можно было оглянуться.

Волков на месте не оказалось. Все же он успел заметить мышинные тени, которые, набирая скорость, заскользили по направлению к полустанку. Только бы приват успел добраться до деревни!

Больше ничего военный о привате не знал. Он помнил, что пришел домой вовремя, переменял белье и выпил большую рюмку водки. За столом это происшествие как-то поблекло, потому что был праздник, в доме было тепло и вкусно пахло, пели церковные и светские песни, на елке горели свечи, а под потолком сияла звезда Рождества.

Привата нашли занесенным снегом в перелеске, недалеко от полустанка. Волки его не тронули. Он умер от грудной жабы и замерз в снегу. Видно, когда увидел бегущих волков, побежал, не разбирая дороги, пока хватило воздуха.

* * *

– Вот, брат, какая история с географией, – закончил мой собеседник, – а ты говоришь...

Я молчал, подавленный и пораженный его рассказом. Ночные страхи рассеялись. Ведь если есть звезда, можно жить ничего не боясь. Некогда к ней двинулись и небожители, и волхвы, и пастухи, все. С восторгом, с трепетом, но без сомненья.

В моем поколении была странная смесь прошедшего времени – общего дела, войны, красных знамен, ношения кителя и ненависти к буржуям, – это с одной стороны, и песен Окуджавы, плащей из болоньи, торшеров и первых записей «Битлз» – с другой, а может, и с третьей. Удивительно, Павел Корчагин стоял в одном строю с тремя товарищами Ремарка, а песня «Орленок» не переставала звучать, когда на сцене пел Ив Монтан. Товарищи не уживались с товарищами. Странное, странное поколение. Не то весна, не то слепая осень.

Через тридцать лет, в девяностых, оно стало тихо вымирать, видимо, с добавлением новых компонентов смесь превратилась в вещество, несовместимое с жизнью.

Мой собеседник тихо копался, убирая в рюкзак остатки ужина и что-то бормоча себе под нос. Тогда он казался мне почти старым, хотя только вступил в пору, когда дни коротки, как выстрел из автомата. Его уже давно нет на свете.

Я прислушался. Бормотание походило на считалочку: семь волков идут смело, впереди их идет волк осьмой, шерсти белой, а таинственный ход заключает девятый...

Наконец он улегся на сено и сразу уснул. Я последовал его примеру. Потом, я помню, проснулся: во сне мне показалось, что я оступился и чуть не упал. Щеки у меня были мокрые. Я вытер их ладонью и повернулся на бок. Поворачиваясь, я приоткрыл глаза. На горизонте появилась розовая полоса. Ночь прошла. Уже вставало солнце.

КАК ВСЕ ЭТО БЫЛО

*Недаром за час до рассвета,
Всходя на кривой эшафот,
Кудрявая девочка эта
Сказала, что Сталин придет!*

Д. Кедрин

В субботу, когда она пришла из школы, ее ждала новость. К ним в квартиру собирались въезжать новые соседи.

Старые, старые не только по названию, но и по возрасту, уехали на лето в деревню, да так и не вернулись, умерли с перерывом в две недели. Их и похоронили там же, на деревенском кладбище. Комната долго пустовала. Теперь в ней должны были поселиться тоже муж и жена, но более молодые. Оба бывшие комсомольские, а к настоящему времени партийные работники. Оба с периферии, достигшие в карьерном росте приглашения в столицу.

Москва готовилась принимать Олимпийские игры. Она хорошела, росла, заполняла пространство, которому посчастливилось попасть внутрь кольцевой автомобильной дороги. Раньше здесь было поле, деревня или просто пустырь, а теперь – жилые кварталы.

Новоселы с сумками и портфелями толпились на автобусных остановках, переговаривались, знакомились, посматривали на часы, боясь опоздать на работу. На востоке алело небо, оно отражалось в бесчисленных чистых окнах, делая хмурое утро нового дня более светлым и обнадеживающим.

Автобус двигался, разбрызгивая глинистые лужи, и счастливы из новых квартир, прыгая по доскам и брошенным в лужи кирпичам, спешили втиснуться в его чрево, чтобы, хотя бы и стоя на одной ноге, доехать до станции метро. За стеклами тянулись бесконечные заборы, стройки, склады, затем появлялись улицы и скверы, легковые машины и троллейбусы, высохшие тротуары, а по тротуарам нормальным шагом шли люди. Наконец, автобус достигал далекой цели, облегченно вздыхал и высыпал из себя невероятное количество пассажиров, будто уткнувшийся в берег средних размеров десантный корабль.

Однако квартира, с которой начат рассказ, находилась практически в центре Москвы, и до метро от нее было десять минут пешком. Она состояла из трех комнат, две из них, смежные, занимала наша героиня, которую звали Надей, с родителями, а еще одна комната, большая, пустовала и готовилась принять новых жильцов.

Надю разбирало любопытство, она попыталась расспросить мать о будущих соседях, но та была не в духе и отправила ее в магазин. Когда девочка вернулась, вся семья оказалась в сборе: отец пришел из гаража. Он уже успел выпить и принес с собой четвертинку водки. Сели за поздний обед. Стояли сумерки, в комнате зажгли электричество. Свет от ламп, смешавшись со светом из окон, казался утомленным и тусклым, а может, он в самом деле устал проникать сквозь давно немые плафоны люстры.

Отец, в приподнятом настроении, шутил и рассказывал анекдоты, которые Надя не понимала. Он дал дочери понюхать рюмку с водкой, и ее передернуло от запаха. Она сморщилась и затрясла головой. Он рассмеялся, опрокинул рюмку в рот, с закрытым ртом посмотрел на дочь, округлил глаза, будто от ужаса, прополоскал рот, проглотил и, задержав дыхание, выдохнул.

Мать тоже повеселела и смеялась дурацким, как она говорила, анекдотам. Некоторые она называла пикантными, но для Нади это слово было неизвестно.

Вечером Надя никак не могла уснуть и жалела, что у въезжающей пары нет детей. Родители перешептывались за стенкой, мать иногда фыркала, потом у них стала скрипеть кровать в сопровождении какого-то странного звука. Надя прислушалась, мелькнула мысль пойти посмотреть. Мысль как пришла, так и ушла. Надя отвлеклась и уснула.

Соседи въехали через неделю. Это были люди немногим старше ее родителей, высокие, стройные и хорошо одетые. «Хорошо» тогда означало, что на них не было ничего отечественного. На нем – замшевая куртка и джинсы, на ней – джинсы и водолазка. Новая мебель тоже, судя по всему, относилась к уважаемому импорту.

Соседи покопались у себя в комнате, а к концу дня устроили на кухне импровизированное новоселье, в котором приняли участие всего пять человек: они сами, Надины родители и Надя, конечно. Для соседей переезд с места на место, очевидно, не представлял значительного события. Возможно, они рассматривали это место как временное пристанище. Но жизненный сценарий выписывает такие повороты, до которых не додуматься самым искушенным предсказателям. Народная же мудрость, которая успела оформиться за годы советской власти, гласит: нет ничего более постоянного, чем временное.

Через несколько дней Наде удалось побывать в комнате у соседей. У них было очень красиво, как-то чище и светлее, чем в комнатах Нади. Зато книг было меньше, главным образом новые собрания сочинений, да еще книги, изданные по спискам за сданную макулатуру, все явно не читанные. Заметим, что Надя гордилась своей семейной библиотекой. Отец и мать любили книги и успели до рождения дочери, до общего фальшивого книголюбия походить по букинистическим магазинам и заполнить книжные шкафы очень неплохими вещами. Но с той поры много воды утекло: Надя родилась, страна вступила в эпоху застоя, все заразились вирусом приобретательства. Мать еще сопротивлялась, сдавала макулатуру, чтобы покупать дефицитные книги, но и книги стали всего лишь показателем достатка. Отец сразу же перестал сопротивляться и часы проводил за ремонтом старенького «москвича», впрочем, это был только повод пообщаться в гаражном кооперативе с такими же неприкаянными автолюбителями, фанатами отечественной автомобильной и ликеро-водочной продукции. Об иномарках в те времена никто и не мечтал.

Наде мнилось, что жизнь соседей лучше, веселее, опрятнее, еда вкуснее, одежда и обувь чище, а сами они добрее и современнее. И имена у соседей были яркие, если не сказать романтические, Герман и Виктория. Благодаря соседям Надя впервые попробовала пепси-колу, посмотрела цветной телевизор, надела модную белую маечку с олимпийским мишкой на груди. А музыка? Какая у них была музыка! Супер! «Все иностранное, – то ли с восхищением, то ли с осуждением говорила мать, – имена и те иностранные!» – «Какая, на хрен, разница!» – возражал ей отец, глядя озлобленными глазками на остывшие магазинные котлеты, покрытые тусклым темно-бурым слоем сухарей. Он с ненавистью давил их вилок и, развивая мысль, прибавлял: «Рулить должны иноземцы, чужой народ – он что скотина, его жалеть не надо».

Надя чувствовала скрытое соперничество, которое имелось между их семьями. Это было соперничество между основой общества и его элитой, оно не признавалось обеими сторонами, но оно было. Отец ворчал, что цель нашей партии – благо людей, и мы знаем, кто они, а соседка не раз замечала, что разбираться в полупроводниках – это полдела, а вот ты попробуй стать настоящим проводником, проводником ленинских идей, вот это – дело!

Летом Надю отправили в пионерский лагерь, и она застала всего несколько дней московской Олимпиады. Но это были замечательные дни. В Москву на время перестали пускать приезжих, и в городе стало просторно, чисто, немногочисленно. Мало машин, не заполнены тротуары, нет обычных очередей в магазинах. Улетел в московское небо на своих воздушных шариках олимпийский мишка, праздник кончился, и все вернулось: полные вагоны метро, полные магазины, полные кинотеатры, полные вокзалы, полные авоськи и полные тетки.

Олимпиада была праздником, но все же лягнула Надино семейство. В пылу строительства олимпийских объектов семейство потеряло гараж. Теперь отец оставлял машину прямо на улице. Но русский человек умеет себя утешать, иначе он был бы самым несчастным человеком в мире: отец приспособился ставить машину на спуске их Николоворобинского переулка, а это позволяло заводить ее в любом случае, даже когда сел аккумулятор, даже в сильный мороз, стоило только снять ногу с тормоза и включить высшую передачу.

Лето следующего, восемьдесят первого, года выдалось жарким. Спать в нагретой за день комнате было невозможно. Приходилось заворачиваться в мокрую простыню, только так удавалось уснуть. Через пару-тройку часов простыня высыхала, и надо было идти в ванную, чтобы снова намочить простыню тепловатой водой. Облегчение наступало с рассветом, когда в раскрытые настежь окна вливалась утренняя свежесть вместе с шумом первого трамвая, который взбирался на горку по Яузскому бульвару.

И здесь отец сумел найти выгоду из потери гаража: в самые жаркие ночи он с матерью Нади шел спать в машину. На улице в ночные часы наступала какая-никакая прохлада, и при опущенных стеклах в салоне устанавливалась вполне приемлемая температура. Да и за машину было как-то спокойнее.

В это лето, дышащее жарой и видимым благополучием, случилось то, что круто изменило Надину жизнь. Почему в те дни она находилась в городе, а не на отдыхе, Надя не помнила.

Однажды вечером Герман пришел с работы измученным, но в хорошем настроении. Он достал из дипломата бутылку водки и торжественно поставил ее на стол соседей. Оказалось, его наградили, и он потребовал, чтобы все разделили с ним радостное событие. И для Нади он принес пепси-колу. Уговаривать соседей, разумеется, не пришлось. Отец и мать придерживались универсального принципа: «Наливай!» Тем более что «Посольская» заслуживала особого уважения, такую водку простому люду купить было негде.

Сообразили нехитрую закуску. Выпили по первой, закусили. Хорошо! Потом Герман ушел к себе, сославшись на усталость. Оно и верно: вид у него был неблестящий, кожа побледнела, глаза ввалились, даже руки дрожали. За ним вышла Виктория. Надя, понятное дело, тоже за столом рассиживаться не любила. Отец с матерью остались культурно отдыхать вдвоем, жалуясь на жару, но продолжая исправно чокаться за здоровье Германа. Потом Виктория предложила им освежиться двумя бутылками пива «Рижское» прямо из холодильника. Куда уж лучше!

В холодильнике Герман всегда держал кусок льда. Виктория отколола несколько кусочков и поместила в лед ополовиненную бутылку водки.

Когда отец с матерью вернулись в свою комнату, Надя уже видела пятый сон. Они что-то обсуждали, собираясь спать на улице. Надя проснулась, вышла за ними в коридор и попросила взять ее с собой. Все стали шепотом препираться. По-видимому, шепот был довольно громким, потому что в коридор вышел Герман в тренировочном костюме и спросил, в чем дело. Надя боялась оставаться одна, а родители ее брать не хотели. Герман в два счета разрешил их спор, пообещав рассказать Наде хорошую сказку и посидеть с ней, пока она не уснет. На том и порешили. Появилась Виктория, удивленно посмотрела на Германа, но ничего не сказала. Она покивала головой, закрыла за отцом и матерью входную дверь. Без очков Виктория казалась беззащитной и даже робкой. Надя улеглась, Герман сел рядом и стал рассказывать сказку про ежика в тумане. На середине сказки Надя уснула.

Герман подождал. Девочка ровно дышала во сне. Он встал. Она не проснулась. Тогда он вышел. Виктория ждала его. Она надела очки и снова выглядела как строгая учительница.

– Зачем ты настоял, чтобы Надя осталась? – спросила она. – Не лучше ли было оставить все как есть?

– Я что, монстр какой? Фашист? Да и ты не строй из себя леди Макбет Мценского уезда. А потом, ты хоть что-нибудь соображаешь? Она ведь пойдет спать на заднее сиденье. Ферштейн?

Покалечится, и все! Ну и зачем тебе калека? Ну ты, мать, даешь! Совсем не думаешь. Не делай ничего сверх необходимого, и доживешь до глубокой старости. Принцип такой есть. Слышала?

– Извини, ты прав, – Виктория сняла очки. – Я не подумала. Все это так страшно. Стресс. Ты понимаешь?

– Не время сейчас. Не до рассуждений. Все! Отсчет пошел! Сиди и жди, от тебя больше ничего не зависит.

Герман надел широкий темный плащ и надвинул на глаза широкополую шляпу. Сразу стало жарко. Обливаясь потом, он достал из холодильника заготовленный кусок льда. В лед зачем-то были заморожены мелкие камешки.

На улице стояла ночь, хоть глаз коли. Темно и пусто. Ни освещенного окна, ни фонаря, лишь вддали, внизу, виднелись тусклые огни на реке. Герман приблизился к машине. Родители Нади спали. Из окон машины несло таким винным духом, что лучше и не подходить. Герман вынул из пакета кусок льда и установил его под переднее колесо. Затем он через окно нащупал ручку коробки передач и столкнул ее с первой скорости в нейтральное положение. Ручной тормоз был отпущен. Автомобиль чуть вздрогнул. Лед под колесом затрещал, но выдержал. Герман еще раз осмотрел колесо и, сделав круг, вернулся в дом.

Виктория ждала его и сразу открыла дверь. Он проскользнул в квартиру, сбросил верхнюю одежду ей на руки и вернулся в комнату Нади. Надя спала, разбросавшись на постели. Герман сел и стал ждать.

Время тащилось нога за ногу и не думало ускоряться. Герману очень хотелось дать ему пинка под зад. Сердце бухало в груди, и он боялся, что оно разбудит спящую девочку. Но... все проходит.

С улицы издалека донесся страшный удар и скрежет. Одно мгновение, и снова тишина. Надя вздрогнула и проснулась.

– Спи, спи, – сказал Герман.

– Это что? Салют? – спросила она.

– Сваи, наверное, забивают. Спи.

– Сваи? А вы расскажете еще про ежика?

– И про ежика, и про рыжика, и про то, как дяденька Егор появился из-за гор.

– Про ежика, который заблудился.

– Заблудился, заплутал, замутил, замаскировался в тумане. Ну, слушай!

Герман не успел закончить сказку, как Надя опять спала.

Чуть свет всех разбудила милиция. Надины родители разбились насмерть. Машина набрала скорость на спуске и врезалась в бетонное ограждение. Врач, почуяв запах, сразу констатировал смерть и вынес решение, что иначе и быть не могло. Несчастный случай. Даже лужа на горке, где стоял автомобиль, успела высохнуть.

«Ингосстрах» не хотел выплачивать страховку, но Герман сумел надавить где надо, и Надя ее все-таки получила. Стоит ли говорить, что Герману и Виктории удалось удочерить сироту и они вдруг стали героями в то меркантильное и лицемерное время. Правда, кое-кто, поджимая губы, замечал, что попутно к ним перешла вся немаленькая квартира, но это были никем не уважаемые злопыхатели с мелкобуржуазными предрассудками и отсталыми взглядами.

Для Нади началась новая жизнь. Не сказать, чтобы она была жутко расстроена: в ее однообразное существование со скучными школьными буднями вдруг ворвалась трагически-романтическая волна. Волна подняла ее над окружающими, и Надя почувствовала себя человеком, заслуживающим внимания, отмеченным печатью изысканной горести, в общем, в чем-то «пикантным». Пока она не понимала значения этого слова, но догадывалась о его интригующей сути.

* * *

– Ну вот! Примерно так все и было, – прокомментировал я первую часть ее биографии. – По крайней мере, если бы я теоретически разрабатывал операцию такого рода, я планировал бы ее именно так.

Она смотрела на меня, ловя каждое слово.

Мы ехали в спальном вагоне поезда, идущего строго на восток. Она собиралась сойти в Арзамасе, а я должен был ехать дальше. Так за беседой мы коротали ночь. Незнакомец и незнакомка. Она была уверена, что мы никогда больше не встретимся, поэтому и доверила мне свою биографию. Ее звали Надеждой, Надей. Я, годящийся ей в отцы, слушал в некотором смятении чувств, ошеломленный необычностью ее рассказа, стараясь, однако, сохранять внешнюю рассудительность. Судя по всему, она по иронии судьбы принадлежала к типу экстравертов, ей так хотелось высказать кому-нибудь свою беду, но беда была такова, что поведать о ней не было никакой возможности. Разве что случайному человеку, который выслушает и исчезнет из твоей жизни навсегда.

Исповедь давалась трудно, но держать много лет эти вещи в себе было еще трудней. То, что я услышал дальше, обрушилось на меня неожиданно и безжалостно.

Ко времени нашей встречи Надя по годам уже вошла в период зрелости, даже, пожалуй, перевалила через него. Это был август женщины с еще жаркими, но уже короткими деньками и предчувствием скорой осени. Русоволосая, рослая женщина. Таким место на экране, такие бывают женами генералов. Посмотрев на таких женщин, вспоминаешь, что кони все скачут и скачут, а избы горят и горят.

Но... бледное лицо, глаза ушли глубоко внутрь, руки потеряли приятную пухлость. Ни маникюра, ни макияжа. С левой стороны не хватает глазного зуба. Впрочем, она не смеялась. Улыбалась, не разжимая губ, а то принималась хлюпать носом, на глазах появлялись слезы. Тогда она доставала платок и аккуратно вытирала лицо.

Моя версия событий ее заинтересовала, и она увидела, наверное, во мне внимательного и серьезного собеседника, точнее, слушателя, в котором она так давно нуждалась. Поэтому мне выпал случай дослушать все до конца. Конечно, лучше бы на моем месте оказалась какая-нибудь пожилая дама, умудренная жизнью. Однако идеальных положений не бывает. Недочеты можно найти в любых сочетаниях субъектов и объектов. Жди их, идеалов! Как же!

За окном неподвижно висели звезды, стояла космическая мгла, вдруг набегали огни, и опять наступала темень, а звезды все мерцали, бесстрастно, загадочно, с достоинством драгоценных камней, не вмешиваясь в наши дела. Они сами устанавливали, как нам жить, по крайней мере, так говорят многие, устанавливали, но были равнодушны к нашим судьбам. Если долго смотреть на них, то можно дождаться, когда упадет звезда, мелькнет, обозначит свое падение светлым штрихом. Но это будет не звезда, нет, всего лишь маленький заблудившийся метеорит, попавший в поле притяжения Земли. На свою беду он влетел в атмосферу и сгорел в ней без остатка. А мы будем думать, что это звезда. Нет, настоящие звезды не падают. Они могут погаснуть, и если погаснут, то навсегда. А свет от них, уже не существующих, полетит к нам в миллион раз быстрее самолета, и лететь ему, может быть, тысячу лет.

– Я только не поняла, – поинтересовалась она, – зачем в кусок льда специально нужно было вмораживать камешки.

Я улыбнулся: женщины обыкновенно не останавливаются на деталях.

– Лед сам по себе может скользить по асфальту, а он должен удерживать машину, пока не растает.

– Теперь понятно. А шляпа и плащ зачем?

– Ну, это, простите, моя фантазия. Нужно было надеть что-то экзотическое. В принципе, можно и белый балахон. Представьте себе, какой-нибудь старушке не спится, и она смотрит в окно. Что она расскажет дотошному милиционеру? Что привидение подошло к машине, а потом скрылось? Как милиционер оценит ее ночные впечатления? Но я подумал, что лучше ночью разгуливать в темном: меньше бросается в глаза. Если будет костюм Зорро, милиционер и это посчитает бредом сивой кобылы.

– Возможно, вы правы. Это многое объясняет. Я имею в виду всю эту загадку со смертью моих родителей. И все же... Умом я понимаю, но вы знаете, почему-то она не может изменить моего отношения к приемным родителям.

– И как же складывались ваши отношения?

– Я вам расскажу, что было дальше.

И она поведала мне свою историю, ту самую, которая меня просто сбила с ног.

* * *

Ох, не знаю, с чего и начать. Ладно! Все как есть... Вот! Я вам хочу сказать, что врачи от меня отказались. У меня осталось последнее средство. Еду в Дивеевский монастырь, может, батюшка Серафим за меня заступится. Ох! Все-таки Удел Богородицы, Источник там есть целебный. Не знаю. Как вы думаете? Хоть бы удалось свои грехи замолить, а там как Господь даст.

Наверное, я грешница, но не по своей же воле. Нет, конечно, я грешница, но тогда мне было совсем мало лет. Если бы отец с матерью не погибли, все сложилось бы иначе. Как не знаю? А может, это судьба? Вообще-то память о них сама собой стерлась. Ведь их заменили новые родители. Виктория и Герман. В этом все дело.

Своих детей им Господь не дал. Вот их внимание и сосредоточилось на мне. Мы фактически не расставались. Ну, так, изредка. Судя по всему, они довольно быстро оформили на меня документы. И фамилия у меня стала другая, даже красивее, чем была, и зажили мы в трех комнатах. Они постарались, чтобы ничто не напоминало мне о том страшном событии: и мебель всю поменяли, и в школу новую меня перевели, лучше старой, с изучением иностранных языков. Моим вещам подружки из новой школы завидовали, хотя сами знаете, какой там контингент. Меня брали с собой в отпуск, а если и отправляли в лагерь, то только по моему желанию и в самый лучший, обязательно к морю. Короче говоря, зажили одной семьей. В общем, жили – не тужили. И все же было одно «но». Расскажу!

Когда это началось, сейчас не вспомню, но однажды Викторию отправили в командировку с какой-то комиссией, и я осталась за маленькую хозяйку. Как-то вечером Герман рассказал мне сказку о Щелкунчике. Помните, крысиный король и полчища крыс? Мне стало страшно. Я не представляла, как останусь ночью одна в своей комнате.

Вот! Вы опускаете глаза. Сами все понимаете. От страха я совсем голову потеряла. А потом забыла обо всех крысах на свете, потому что попала в новую беду. Нет, вы не думайте, Герман мне ничего такого не сделал. Ничего, что мог бы.

Главное, мне его ласки не были неприятны. На следующий день это повторилось. Да, он хотел ответных ласк, и мягко, но настойчиво заставил меня подчиняться. Утром я прятала глаза, но жизнь продолжала идти своим чередом, нимало не заботясь о наших переживаниях, мир почему-то не перевернулся, и мы вели себя так, как будто ничего не случилось. Я встречалась в школе с подружками, и то, что было ночью, уплывало далеко-далеко, я не могла поверить, что это происходило со мной. Может, в кино, которое мне рассказали, может, просто плод фантазии. Конечно, бывало, что щеки мои внезапно начинали гореть, я замыкалась в себе, однако ни подружки, ни учителя не видели здесь ничего особенного: чужие проблемы никого не интересуют, и о человеке забывают сразу же, едва он исчезнет из виду. Нам кажется, что

все должны быть сосредоточены на нас, все смотрят и все интересуются нами. Нет, каждый интересуется только самим собой. А другими – постольку, поскольку они могут послужить его интересам.

Присутствие Виктории возвращало меня в привычную колею, но стоило ей уехать, как все начиналось сызнова, и он не давал мне спать полночи. Я должна была ждать его в его же постели. Он умывался, шел в туалет, раздевался и, шлепая босыми пятками, шел к кровати. Я сжималась в комок, зная, что через несколько минут буду лизать эти пятки. Он не был груб со мной, ему не приходилось принуждать меня, я сама делала то, что ему хотелось, он только направлял меня. Ведь что получается! Фактически надо мной надругались, а я не только стерпела, но и сама как бы приняла в этом участие.

Утром я тщательно чистила зубы и полоскала рот. Ой, зачем я все это говорю? Ну ладно, раз уж начала, надо идти до конца. Все равно священнику этого не скажешь.

Признаюсь, порой мне самой хотелось, чтобы все было по-настоящему, чтобы он сделал мне больно, но это я сейчас так могу говорить, а тогда, тогда я и помыслить не могла проявить какие то желания. Вначале я и глаза боялась открыть. Потом только, и то, когда он заставлял меня смотреть. Но он никогда не переходил границу, щадил меня.

Смешно сказать, я знала куда больше своих подруг, которые интересовались мальчиками, и ни разу не выдала себя. Представляете, как мне было трудно это сделать? Помню, я попала в больницу, у меня обнаружили глисты, и я лежала в одной палате с двумя старшими девочками. Они все время рассуждали про мужчин и, как страшную тайну, поведали мне, что у мужчин внутри кость и поэтому они могут проникнуть в женщину. Конечно, я промолчала, но, странное дело, – почувствовала свое превосходство над ними. Старшая рассказывала, как все происходит на самом деле, и даже предложила показать, если младшая переберется к ней в кровать. Мне стало интересно, потому что по-настоящему с Германом у меня еще ни разу не было, и здесь мое превосходство несколько тускло. Они стали обсуждать, кто из них к кому должен прийти, чтобы из этого что-нибудь получилось, да так ничего и не решили. А мой опыт поджидал меня впереди, и вовсе не за дальними горами.

Между тем Герман перестал ограничивать себя только ночными удовольствиями. Иногда в выходной после обеда, если Виктория уходила из дома, он, сидя на диване, подзывал меня к себе. Что уж там говорить, я таяла, как мороженое, и не могла ему противиться. Привычно я опускалась на пол, привычно исполняла его желания... Когда Виктория возвращалась, мы уже находились в разных комнатах. Я – с горящими щеками, он – спокойный, довольный и уверенный в себе.

Но она все равно узнала о наших отношениях. Как узнала? Да от меня же! В один прекрасный день я стала девушкой. Это я сейчас так говорю, а тогда я страшно перепугалась и решила, что заболела. Ну, Виктория заметила мое смятение, а я возьми да с перепугу расскажи ей о своем грехе. Вернее, о нашем грехе с Германом. Я умоляла простить меня. Она задумалась, но ругать не стала. После этого вроде бы ничего не изменилось. До поры до времени... Но то, что произошло дальше, не вписывается вообще ни в какие рамки.

Однажды Герман обнаружил у себя на самом интимном месте припухлости, которые были, судя по всему, весьма болезненными. Оказалось – доброкачественная опухоль, которая называется папилломой. Знаете, чем-то она похожа на цветную капусту. Это я уже потом узнала, когда он вылечился, кстати, после она у него на лбу проступила. Врач его успокоил, выписал лекарство, похожее на зеленку, и эта дрянь исчезла. Однако, пока он лечился, ему пришлось спать одному в моей комнате, я же перешла временно на его место к Виктории. И Виктория отомстила и ему, и мне. В первую же ночь я стала ее любовницей. Таким образом, я опять была принесена в жертву. Виктория требовала от меня всего того, чего требовал он. Ей, как я думаю, хотелось испытать то же, что посчастливилось испытать ему. Хотя она была, пожалуй, более нежной, не знаю...

Вот так!

Вы спросите, что стало, когда Герман выздоровел? Ничего. Все осталось как было. Только каждый из них пользовался мною. Как видите, они оба любили меня, особенно по ночам. Если бы не это, я должна была бы чувствовать себя любимым ребенком. Действительно, когда я забывалась, казалось, у нас – полная идиллия. По воскресеньям я, проснувшись, прибегала к ним, забиралась под одеяло, мы обсуждали, чем займемся в выходной. По радио звучали бодрые песни, они поднимали настроение. Мне запомнилось, как приятный мужской голос неторопливо и вдумчиво пел:

Ты припомни, Россия,
Как все это было,
Как полжизни ушло у тебя на бои...

Нет, правда! Они любили меня, заботились обо мне, нанимали мне хороших учителей. Я получила хорошее образование. Я вышла из школы, зная два языка. Они устроили меня учиться в МГИМО. Я это все помню и обязана им. Наконец, я гордилась своими родителями. Герман действительно стал очень крупным человеком, если не сказать великим, получил несколько орденов, Ленинскую премию. Кажется, он работал в промышленном отделе ЦК, точно не помню, но Виктория как-то под большим секретом сообщила, что, благодаря ему, наша страна теперь имеет самую большую атомную подводную лодку в мире, целый подводный город. А когда по телевизору показали первый полет советского космического челнока, она украдкой показала на Германа: он смотрел на экран, и слезы наворачивались на его глаза. Его детище. Так что было чем гордиться.

Получается, что я тоже полюбила их. Не знаю. Как их не любить? Любила. По-детски – днем, а ночью... ночью мир всегда искажен, днем он приходит в норму.

Не могу сказать, как это можно, но, видно, такая уж я уродилась.

Нет, это страшно, страшно! Однажды они пришли поздно с какого-то банкета, очень навеселе. Дома еще выпили и жаждали развлечений. Они позвали меня и заставили ласкать их обоих. Тогда я и узнала, как мужчина спит с женщиной, мне все представили в натуральном виде. Но на следующий день они наделили мне подарков, повели в зоопарк и готовы были выполнить любое мое желание. Я была игрушкой в их руках, это правда. С одной стороны, во мне не уважали личность, а с другой – я была для них личностью. Как так, скажете вы? Ругайте меня, я это заслужила. Но не могу на них сердиться. Что тут поделаешь? Не знаю.

Тем временем началась перестройка. Они пропадали целыми днями на работе. Виктория похудела. Выглядела она по-прежнему строгой, прямой, ухоженной, с хорошей прической, но что-то в ней сломалось. Теперь она часто спала одна, и я поняла, что она больна. В женской консультации у нее сделали биопсию. Положили в онкологический центр на Каширке. Она вышла оттуда еще более похудевшей. Потом она перестала вставать с постели. Я мыла ее, как мать моет своего ребенка. Невозможно было представить, что когда-то мы вместе забирались в ванну и я терла и целовала ее розовое, горячее, длинное тело.

И вот, в один несчастный вечер я пожелала ей доброй ночи, а утром ее не стало. Мы с Германом осиротели. Теперь мне пришлось быть и дочерью, и женой сразу. Хотела сказать «одновременно». Нет, днем – дочерью, ночью – женой.

Перестройка раскручивалась, как пружина, раскидывая судьбы в разные стороны. Герман еще держался на плаву, но время его ушло. Под самый занавес он успел подарить мне новенькие «Жигули». Я, студентка-старшекурсница, подъезжала теперь к институту на сверкающей машине.

Когда наступило смутное время, цены стали расти такими темпами, каких раньше и не видывали. Штурвал стал вырываться из рук партии, она напрягалась из последних сил, но...

сами знаете, страшно далека она была от народа, никто ее не поддержал. Партийная номенклатура почувствовала скорое затопление и начала разбегаться кто куда.

Однажды я прочла объявление, в котором предлагался обмен квартиры на новые «Жигули». Герман ухватился за эту идею и настоял, чтобы я совершила такой обмен. Так у меня в собственности оказалась однокомнатная квартира в Отрадном. Мы ее обставили нехитрой мебелью и закрыли. Я продолжала жить с Германом.

Путч 91-го года Герман поддержал. Все, на этом его карьере пришел конец! Мятаж не может кончиться удачей... Германа уволили. Он втянулся в какую-то аферу с денежными фондами и проиграл крупную сумму денег. Его сердце не выдержало всех потрясений. На даче ему стало плохо. Его довели до ближайшей больницы, где он и скончался. Я осталась совсем одна.

К тому времени я уже окончила институт, но меня с моей фамилией, то есть с фамилией Германа и Виктории, никуда не хотели брать. Я имею в виду престижные места в МИДе, информационных агентствах, журналах и т. д. Друзья и коллеги Германа либо были такими же отверженными, как он, либо стремительно делали карьеру, переметнувшись на сторону Ельцина. Эти перевертыши так и рвались казаться святее самого Папы Римского и ни в какую не хотели признаваться, что даже слышали о моей семье.

Начался новый период в моей жизни. Вскоре исчезли из виду все подружки по институту, которые клялись в вечной дружбе. Впрочем, они успели познакомить меня с одним парнем, Борисом. Сделали подарочек!

Он снимал комнату в общежитии и бешено за мной ухаживал. Огромные букеты, рестораны, прогулки на машине: все было брошено на покорение моего сердца. Он раскрывал передо мной грандиозные горизонты. Нет, он не врал. Как-то он вложил куда-то большие деньги и через три месяца получил огромную сумму. Я стала носить роскошную шубу и бриллиантовые сережки. Он рассуждал, что с моим знанием языков мы устроимся в одном из самых лучших городов мира, а может, даже купим замок. Лихое было время.

Стоит ли говорить, что он поселился в моей трехкомнатной квартире в центре. Не скажу, что я была сильно влюблена в него. Первую ночь, которую мы провели вместе, со мной чуть не случилась истерика. Представляете, я вся благоухающая, смущенная, похожая на невесту (несмотря ни на что, я так и не превратилась в циничную особу), закрыв глаза, лежу в постели, горит настольная лампа, он готовится лечь, копаются, я замираю... пауза, я открываю глаза – и что я вижу?! Он стоит и натягивает на себя отвратительное резиновое изделие! В эту ночь я спала одна.

Конечно, со временем я привыкла к Борису, мы жили если не в полной гармонии, то, во всяком случае, неплохо. А времена были трудные, трудные, но и блестящие. Рассчитывая на следующий выигрыш, он использовал не только свои деньги, но и все мои сбережения и драгоценности, он даже уговорил меня продать дачу. И что вы думаете? Опять выиграл. У нас появился огромный «линкольн», я могла получить все, что душа пожелает.

Отдыхали за границей. Борис то пропадал днями, то сидел дома, а то устраивал мне выезд в загородный ресторан. Жили в каком-то чаду. Тогда я впервые почувствовала болезненные ощущения в момент близости. Хорошо еще, что Борис всю свою энергию тратил на дела. Но даже в редкие минуты его нежности боль присутствовала, хотя этому балбесу было далеко до Германа. Если бы не беспокойство по поводу болей, я бы чувствовала себя почти счастливой. Могло ли это все продолжаться долго? Вряд ли. Когда Борис сделал очень большую ставку, заложив нашу квартиру, мы проиграли. Где была моя голова? И к тому же Борис внезапно исчез. Как все-таки прав был Герман, когда заставил меня обменять машину на жилье. Я переехала в забытую однокомнатную квартиру, о которой Борис даже не успел узнать. А то бы и ее бы пустил по ветру. Обещанная жизнь в роскоши не состоялась.

Я устроилась работать на рынке. Вечером я собирала непроданный товар в большие сумки и перла их к себе домой, а утром опять чуть свет ехала на рынок с этой тяжестью. Боли

беспокоили меня даже в отсутствие мужчины. Врач послала меня на биопсию. Анализ показал, что я иду по стопам Виктории. Все! Круг замкнулся! Какое там лечение без денег! Виктория пила травяной сбор Здренко. Гадость жуткая. Когда я первый раз попробовала, меня чуть не стошнило. Потом взяла себя в руки, начала немного привыкать к этой отраве.

Годы, проведенные с Германом и Викторией, я вспоминала как счастливое время. Была уверенность в завтрашнем дне, опора в жизни, защищенность, даже беззаботность. Теперь ничего этого не было. Наверное, то, что я говорю, ужасно?! Как можно терпеть надругательство? Но вот поди ж ты! Я должна чувствовать себя жертвой, а мечтаю о том времени. Кажется, это называется «стокгольмским синдромом»? Когда заложники проникаются чувством к своим похитителям. Да? Надо мной надругались, а я полюбила насильника.

Что поделать? Я тоскую и по Герману, и по Викторией, особенно по Герману, но и по ней тоже. Может, я их не смогла понять, но я простила им все, а это все равно что понять. Думаете, после них жизнь стала лучше? Меня все равно продолжали использовать, не они, так другие, не так, так эдак. Нет, не лучше! Не знаю! Все-таки это синдром. Болезнь. Такая же, как у меня. Хотя нет, с ней можно жить. Я-то знаю! Или нет? Я совсем запуталась. Почему все так сложно? Не понимаю! У меня теперь один путь. Туда!

* * *

В купе горел ночник, и голос женщины звучал из полутьмы, в которую она совсем ушла, прислонившись к стене.

Я повесил голову и внимательно разглядывал складки на скатерти, пытаюсь разгладить их рукой, но они не поддавались. За окном простирались бесконечные поля. Мне вдруг подумалось, что Стокгольм находится на одной широте с Магаданом. «Магаданский синдром». Ты припомни, Россия, как все это было... Передо мной – боль, гордость, сомнения и неизменно торжествующее прошлое.

– Я с вами так откровенна, потому что смертельно больна, вы понимаете?

Послышались всхлипывания.

Я посмотрел в темноту. Что оставалось делать? Лишь кивать головой.

– Господь наказывает меня за грехи, – сказала она.

– Вы не грешница, вы – жертва.

– Нет, вы не знаете. Я не противилась, я не отстояла себя, я, наконец, еще живу тем периодом жизни. Что со мной? Господь наказывает, и правильно делает! – Выхлипывания перешли в рыдания.

Я переждал, когда она успокоится. Она вытерла слезы платком и уперлась невидящим взглядом в окно. Мне было не по себе от этого безмолвного отчаяния.

– Господь не наказывает, – сказал я. – Господь спасает.

Я видел, как в темноте она, не отрывая взгляда от окна, отрицательно помотала головой.

– Как вы можете знать? – промолвила она, чтобы не молчать: молчание угнетало ее больше, чем резонанство.

– Могу, – сказал я уверенно. – На основании вашего рассказа могу.

– Все это непостижимо, – сказала она, однако в ее голосе я услышал едва заметную надежду, как будто она, потеряв дно, заметила подплывающую соломинку: значит, все-таки не просто резонанство.

– А я противопоставлю непостижимости достоверность. Хотите? Пожалуйста! Вот факты. Начну с простого. Помните, вы говорили, что в детстве лежали в больнице с глистами.

Она кивнула.

– Эта ваша болезнь легко объяснима, и я готов ее объяснить.

– Я не думала об этом.

– А если бы подумали, то, наверное, вспомнили бы, что по вашему паркету не всегда ходили босыми ногами, но и в обуви. Возможно, прямо с улицы.

Она бросила на меня удивленный взгляд, но через секунду закрыла лицо руками.

– О Боже! – сказала она глухо.

– Это ерунда. Это и не болезнь вовсе, а так, семечки. Вот ваше нынешнее состояние... Врачи назвали причину?

– Что, и здесь у вас есть объяснение?

– Не сомневайтесь! Вы читали «Открытую книгу» Каверина?

– Нет, кино, кажется, смотрела.

– Помните, там был ученый, который говорил о вирусной природе рака?

– Не помню. Мало ли кто что говорил по поводу рака.

– Это так, к слову, – сказал я. – А вот вам факты. Современная наука научилась делать прививку против рака. Пока против рака шейки матки. Но это же ваш с Викторией случай, не так ли? Так вот, данные из молекулярной биологии доказывают, что рак шейки матки вызывается вирусом. Вернее, некоторыми онкогенными вирусами папилломы человека. Как вам? Что-то вы говорили о болезни Германа. Я ничего не путаю?

Теперь она смотрела не в окно, а на меня. Пора было наносить по ее депрессии завершающий удар. Она должна верить.

– Непостижимость, – сказал я, – будет заключаться в успехе вашего нынешнего путешествия. Понимаете? Если у вас достанет веры, вы пойдете на поправку. Я уверен. Еще раз повторю: Господь не наказывает, Господь спасает! Верьте, и вы услышите: «Вера твоя спасла тебя»!

Я откинулся на спинку сиденья, ушел, как и она, в тень. Что я мог еще сделать, что сказать? Не знаю. Голос мой, по-видимому, прозвучал из глубины гулко и веско, потому что она молчала. Прошла минута, другая. Я услышал ее ровное дыхание. Чуть повернув голову к окну, она уснула.

Я чувствовал, что у меня поднялось давление. Надо бы выпить хотя бы таблетку аспирина. Но я боялся пошевелиться.

Рассвет выдался серый, как пепел, и тихий, как предутренняя мышь. Спутница моя спала, будто после первого причастия, крепко и сладко. Капелька слюны блестела на подбородке. По коридору прошла проводница, стуча ключом в двери: Арзамас! Бедняжка проснулась. Я вышел ее проводить. Мы стояли на перроне, прощаясь. Она неловко ткнулась мне лбом в грудь и отступила. Я молча поклонился. Она пошла, часто оглядываясь. Казалось, она боится потерять единственную зацепку, которая связывает ее с жизнью. Я украдкой перекрестил ее. Потом я посмотрел на небо и взмолился: Господи, если надо, возьми мою никчемную жизнь, только дай жить этой страдальце!

Не ее вина, что она родилась без компьютера в голове, без амбиций миледи и без свинцовой задницы специалиста, не на Востоке, где в порядке вещей выдавать замуж девочек-подростков, не на Западе, где дети входят во взрослую тему на уроках и на все случаи жизни предусмотрены психоаналитики. Не ее вина.

Поезд беззвучно покотился, и я вернулся на место. Быстро миновали одноэтажные домики, мелькнул шлагбаум, и опять пошли поля и перелески. Как будто золой был присыпан бегущий за окном пейзаж. Проехали какой-то населенный пункт. За ним начались луга. Девочка с косичками, держа маму за руку, помахала нашему поезду. Потом я увидел лошадей. Кони были стреножены и передвигались неловкими скачками. Я закрыл глаза и уснул.

Когда я проснулся, поезд стоял на станции. Люди высыпали на перрон и громко разговаривали.

– Что там такое? – спрашивали те, кто только что вышел. – Пожар? Где горит?

Справа в сотне метров от нас в небо уходил столб черного дыма, и отблески пламени отражались в стеклах соседних домов.

– Ясен пень, – отвечал толстый дядька в тренировочных штанах и в майке. – Что у нас повсякчас може гореть? Та дом престарелых, вот что!

ЗМЕЕНОСЕЦ

*И бес, принявший облик человеческий,
Поцеловал царя, как равный, в плечи.
Поцеловал Заххака хитрый бес
И – чудо – сразу под землей исчез.
Две черные змеи из плеч владыки
Вдруг выросли. Он поднял стоны, крики,
В отчаяньи решил их срезать с плеч, —
Но подивись, услышав эту речь:
Из плеч две черные змеи, как древа
Две ветви, справа отрасли и слева.*

Фирдоуси, «Шахнаме»¹

Виновный трепещет перед законом. Чего бояться невинному? Судьбы. Среди людей практических часто встречаются фаталисты. Мыслители больше уповают на Провидение.

Мне был знаком один милицейский полковник, Стива Мордасов, о нем и пойдет речь. Двое детей у него было, двоечка: Филипп и Александра. Любил их, однако держал себя в руках, был строг, но справедлив. Расстроился ужасно, когда сын не поступил в институт международных отношений. Пришлось поднажать, и Филипп стал студентом института стран Азии и Африки. Дочка оканчивала школу, готовилась в Университет дружбы народов.

Летело время. В томлении застыли деревья. Как песнь варваров, к Москве приближалась весна. Однажды ночью она ворвется в город, и обывателям придется по душе эта рождающая надежды оккупация.

С загорелым лицом, Стива прилетел спецбортом из Моздока, мечтая о горячей ванне и холодном пиве. Он лежал в пенной воде, и жена уже дважды заходила в ванную, опускала ладонь в воду, будто пробуя температуру, присаживалась на краешек и, смеясь, отбивалась от его рук.

– Я, когда приехал, глазам не поверил: они едят кошачьи консервы, – это он рассказывал за ужином.

– Ты че, пап, типа ел кошачью еду?

– Счаззз! На вражеской территории пусть тебя кормит враг. Так учит военная стратегия, дружок.

– А я думала, у них самих ничего нет.

– Тут думать не надо. Посылаешь бойцов с приказом. У меня сержант был, кулак у него, как моих два. Мы его звали Коля Калькулятор. Из акаэма стрелял, как из пистолета. Он свой кулак предьявлял хозяину и начинал считать. Ты когда-нибудь ела маленького барашка?

За полночь они с женой тихо переговаривались в спальне. Луна оттягивалась за окном, освещая белый пластилин тела с темными по локоть руками. Жена машинально накручивала на палец волоски на его животе.

– Боец – не баба, он должен быть агрессивен и жесток. И трахать все, что движется. Его не бензоатом натрия кормить надо, а мясом с кровью. Тогда он кого хочешь замочит.

– Ты по мне скучал?

– Конечно.

– А другие как?

---

¹ Пер. С. Липкина.

– Так ведь местное население есть.

– И ты ходил? А ну, признавайся!

– У меня и в мыслях не было. Верить, хотелось только успеть выспаться. Но бойцам я не запрещал.

– Ах, даже так?

– Дурочка. Скажешь, разврат? Вот когда ты заходишь в комнату до подъема и видишь, как на койках спят по двое, не потому, что коек не хватает, а потому, что ночью один пришел к другому, да так и уснул у него в кровати, тогда понимаешь, где разврат, а где – нет. А при мне, между прочим, это кончилось. Зачем? Бери любую. Победителю достается все. Кто еще позаботится о солдате, как не командир? Зато я привез всех живыми. За мое время два ранения и одна контузия, да и та по собственной глупости.

Стива умолк, вспомнив звездную ночь, бойцов, натянувших черные маски, перебегающих улицу поселка в полной тишине. Представь такого носорога в дверях кухни! От страха можно не только воду опрокинуть, но и описаться. Ей бы, мокрощелке, сначала газ аккуратно выключить, а уж потом сопротивляться.

Ни одного гроба, прикинь! Не ты их, так они тебя. Очень быстро осознаешь, что счастье это не вздохи под луной, а свист осколков, тебя миновавших.

– Была на кладбище?

– Перед Пасхой убиралась.

– Отцова могила не провалилась?

– Нет.

– Надо бы ее бетоном одеть. Никак не соберусь.

Отец долго служил в органах, написал диссертацию о противодействии раскрытию преступлений в сфере коррупции, преподавал в академии и скончался, как раз когда Стива получил генеральскую должность.

Отец так и не привык к их нововведениям. Его передергивало при виде милицейских в полевой форме наемников, когда они расхаживали по мирному городу с автоматами в руках. Увидев милицию в разбойничьих масках, он шел за валидолом.

Ему, всю жизнь имевшему дело с преступным миром, ходившему на ножи и пистолеты с открытым лицом, казалось диким демонстрировать свой страх перед преступником, прикрывшись маской.

– В современном обществе, – говорил ему Стива, – приоритетным у нас является гражданин. А милиционер – это тот же гражданин, только облеченный особыми полномочиями.

– Да бросьте вы! Не надо свою неспособность и дурные манеры объяснять стремлением к гуманизму. Гражданин с омовским презервативом на голове! Фиговым листом можно или срам прикрыть, или морду. Ничего кроме! А выбор неравнозначен, ты об этом думал?

– Все силовики должны прежде всего руководствоваться действующим на текущий момент законодательством, – пытался втолковать ему Стива.

– Словечко нашли, как в цирке! Чем тоньше шея, тем больше претензии. Такими словами пусть в Голливуде балуются. Да всякий видит, что вы первым делом о своей безопасности думаете. Кто ж вам доверять будет? Может, вы и выглядите крутыми, но сильными – извини, нет. Вы не силовики, вы опричники.

– Да, но...

– А что касается законодательства, то закон для вас – приказ начальства, причем чаще всего устный, потому что письменный оставляет следы нарушения вами же писанного закона.

Вот так отец учил его уму-разуму. Стива соглашался лишь в малой части, упрямо апеллируя к жизненным реалиям и сложившимся обстоятельствам. Благодаря этому трезвому взгляду карьера его складывалась успешно.

После возвращения в Москву время стало рассекать, как «мерин» утреннее шоссе. Стиву представили к ордену, и он готовился шить мундир с лампасами. За окном распускались деревья, и на щиколотке майора Джамшидовой под чулком поблескивала золотая цепочка... Тут позвонил мобильный телефон.

– Степан Аркадьевичу привет! Как сам-то? Узнал? – Стива слушал знакомый голос, машинально разглядывая сережки в розовых ушах над майорскими погонами.

Приятель просил помочь с проверкой одной фирмы.

– Ты понимаешь, я им документы – никакой реакции. Наглые, денег не меряно, плевать они на нас хотели. Им бы маски-шоу, да мордой в асфальт! Ну, не тебе объяснять! Помоги, Аркадьевич, общее дело делаем.

– Ладно! Будет тебе ОМОН. Роты хватит? Ха-ха. Много? – Стива потянулся к блокноту. – Жди завтра в одиннадцать ноль-ноль микроавтобус. Бойцы свое дело знают. Ты там особенно не напирай. Чтоб все, как говорится, в рамках. Без фанатизма. А? Запомнят, запомнят. Всю жизнь помнить будут. Отзвони, как все прошло. А? Само собой. Бывай.

Сунув телефон в нагрудный карман, он поднял глаза на майора:

– Так о чем это я?

– Вы говорили о патриотическом векторе.

– Вот именно! Я подчеркиваю, преступная деятельность национальности не имеет, – Стива говорил вкрадчиво, для убедительности подтверждая конец фразы движением головы, – это должна понять общественность, это должны понять наши бойцы. Но мы и наши подчиненные должны понять и другое: правоприменительная практика является концентрированным выражением патриотизма. Только настоящий патриот во исполнение приказа может подняться до осознания высокой миссии стража закона.

Майор Джамшидова смотрела на Стиву во все глаза, и он чувствовал себя прекрасно. Но Стива знал меру и говорил ровно столько, сколько нужно, чтобы женщина, слегка воспарив если не от комплиментов, то по крайней мере от умных слов, которые делают ей честь как коллеге, не заскучала и приняла бы их на свой счет наподобие романса. Хорошая песня на любом языке звучит как признание.

Когда Джамшидова встала, оба вдруг поняли, что между ними образовалось поле притяжения. Мешала служебная обстановка, но было ясно: рано или поздно все случится, и казенный кабинет, возможно, станет их главным прибежищем. Покачиваясь на каблуках, майор вышла, оставив Стиву предаваться мечтам и раздумывать над тем, почему одна только мысль о такой возможности возбуждает его сильнее, чем все тактильные ласки жены. Он хорошо помнил, как в юности также истекал желанием, мечтая о преподавательнице государственного права. Она была много старше его, наверное такого же возраста, что и Джамшидова. Он не назвал бы ее красивой, даже кокетства в ней не было. Был авторитет, непререкаемая уверенность, сухое белое тело со струнами сухожилий на руках и ногах. Черные туфли, попирающие паркет, завораживали его: он с трудом отводил от них взгляд. Ни одна хихикающая и податливая знакомая его возраста не оказывала на него такого действия.

«Интересно, как сын переживает пору влюбленности? – подумал он. – Нет, нынешнее поколение серьезнее нас. У них больше информации, они про это уже все знают и не питают такого интереса, как мы. Головой работают. Вон мой Филипп – арабскую поэзию изучает, не что-нибудь. Приятель его геополитикой интересуется, на митинги ходит. Прилип к Филиппу. Или Филипп прилип? Тьфу-ты!»

«Надо устроить так, чтобы они поменьше общались, – решил Стива. – Рано ему лезть в политику. Политикой в наше время заниматься – все равно что собирать грибы, пользуясь словесным портретом своей бабушки. Лучше бы учился как следует. А то чуть что: Филипп, расскажи, Филипп покажи. Филипп и рад стараться».

К слову сказать, когда этим вечером Стива пришел домой, Филипп разговаривал по телефону. Конечно, с этим самым другом. Стива прошел на кухню, уловив из разговора, что пери – это злой дух женского пола.

– О чем это вы там? – спросил он сына, когда тот положил трубку и полез в холодильник.

– Да так. Объяснял Игорю, что написал Фирдоуси о власти.

– Кто?

– Ну, поэт один.

– Интересно. И что же этот Фир... кто?

– Фирдоуси. Понимаешь, он пишет как бы сказание об одном принце. – Филипп глотнул апельсинового сока. – У него, когда он стал царем, как бы выросли на плечах две змеи, которых он каждый день должен был кормить человеческими мозгами. Причем юного возраста.

– И что твой Игорь?

– А что? Ему понравилось.

– Ежу понятно, понравилось. Я не про то. Почему он сам не прочел?

– Прочел. Хотел, типа, уточнить детали. У меня же Интернет есть.

На кухню зашла Александра.

– Что за тусня? – протянула она, тоже направляясь к холодильнику.

– Обсуждаем один триллер, который как бы понравился твоему Игорю.

– Что значит «твоему»?! – не на шутку возмутился Стива.

– Ну, па-ап! – Александра помахала рукой. – Какой триллер?

– Что «пап»? Чтоб я об этом больше не слышал. Нашла кавалера! – Стива постучал пальцем по столу. – А где мать?

– Сериал смотрит. «Петербургский бандит». Ой! Нет! Бандитский... – Александра подавилась от смеха.

Стива посмеялся вместе с детьми, однако задумался. Положение ему явно не нравилось. Юное поколение надо было оградить. Игорь, конечно, неплохой парень, но как раз такие с их нелепыми идеями всеобщей любви и равенства – источник вечных неприятностей. Стиве уже приходилось по просьбе сына извлекать Игоря из отделения, где, как анекдот, рассказывали, что при задержании он кричал: «Не бей меня, я тебя люблю!»

«Ему неизвестно чувство благодарности, – с неприязнью подумал Стива, – с возрастом он станет жутким моралистом и, если ему дать волю, не пощадит никогда и никого. Сомнения таким неведомы. Поверив в собственную непогрешимость, такой не замечает нюансов. Еще бы! Исключи из жизни компромиссы, и она станет проста, как пареная репа. Только убирать за ним придется другим. Вот вам модель законченного эгоиста».

Постепенно в голове Стивы оформилась мысль, что надо показать, кто здесь хозяин. Решительно, резко, пусть болезненно: зато потом наступит облегчение. В конце концов, на нем лежит ответственность за семью, вообще за молодое поколение. Отец накажет, отец и защитит.

Ночью он проснулся, вспомнил о своем решении, удовлетворенно вздохнул. Жена посапывала за плечами. Он повернулся на спину. На ум пришел сегодняшний эпизод в кабинете, взгляд женщины, выражающий готовность. Затем майора Джамшидову сменила худощавая строгая женщина в черных лодочках на белых ногах. Она села в кресло, положив ногу на ногу. «Хотите, юноша, – спросила она, – чтобы мой выбор пал на вас?..»

Как в молодости, он почувствовал волнение. Ах, молодость! Твой удел – суета! Он поспешил вернуться к прежней мысли о решении оградить дочь, а заодно и сына, от Игоря. Тому урок тоже не помешает. Наказания без вины не бывает.

«Самопожертвование, юноша, это прекрасно, оно свойственно только молодым. Жертвоприношение это не наказание. Вы, как будущий юрист, должны в этом разбираться».

Стива попытался отвлечься, он опять лег на бок, отвернувшись от жены.

– Дался тебе этот Игорь! – обратился он к самому себе. – Всеу свое время. Торопиться некуда. Но и мешкать не надо. Спи! Это приказ!

На несколько дней он забыл об Игоре, но тот сам напомнил о себе. На кого наводит ружье случай? На того, кто выскакивает не в то время и не в том месте, где ему следовало бы быть.

Однажды к ним пришли гости: старый товарищ с женой и дочерью. Друзья, покинув на время застолье, «полировали» на кухне пивом дозу, принятую на грудь за общим столом. Говорили, конечно, о работе. Товарищ пока не поднялся выше подполковника, поэтому в поучающей манере солировал Стива, который уже почитал себя генералом.

– Государство есть продукт общества, когда общество признает, что оно запуталось в неразрешимых противоречиях. Тогда вся надежда возлагается на государство, которое в свою очередь берет на себя организацию порядка путем насилия. Да, насилия. Это классическое определение государства.

– Смотря как понимать насилие.

Стива сделал большой глоток.

– Вот так и понимать! Вы брали Манака? Сколько у вас бандитов ушло? Трое? Испарились? У моих бы не ушли.

– Да? Почему у твоих бы не ушли, а? – Товарищ даже подбоченился.

– Потому, мил друг, что со своими я пуд соли съел и они без приказа меня понимать научились. А установка такая: мочить всех без лишних слов. Никаких раненых. Нет человека – нет проблемы, понял? Нет правых, нет виноватых. Никого нет, – Стива развел руками. – Короче, по-любому у меня заведено: два трупа, и не меньше.

Товарищ не мог понять, шутит Стива или нет.

– Не ловлю фишку! – Он озадаченно взглянул на Стиву.

– Пей пиво, остынет.

В этот момент в кухню зашел Филипп:

– Пап, там по ящику Игоря показали.

– Где?

– Типа, в новостях.

Стива включил телевизор, который стоял на кухне. Они успели к итогам, где действительно в группе молодежи мелькнул будто бы Игорь.

– Вот, вот!

Он пробежал мимо милиционеров к бульвару. Наметанным взглядом Стива выхватил из серой массы знакомое лицо толстого майора.

– Этих козлят тоже мочить? – спросил Стиву его товарищ, имея в виду скачущую молодежь.

Стива посмотрел на сына, Филипп набирал номер по телефону, номер был занят.

– Ну ты скажешь! Хотя порой из козлят получают... сам знаешь кто.

– Сашка! – крикнул Филипп в коридор, обращаясь к сестре, – это ты с Игорем болтаешь?

В дверях появилась Александра. Одной рукой она прижимала к уху трубку мобильного, продолжая говорить, другой посылала брату воздушный поцелуй.

Гость перевел взгляд на Филиппа.

– Это тот парень, что мы видели у тебя на дне рождения?

Филипп кивнул.

– Игоро здесь, Игоро там! – ехидно сказал Стива.

Александра щелкнула телефонной трубкой.

– Ему рукав порвали и на каблук наступили, подошва оторвалась. А так все нормалек!

Из комнаты вышла дочь приятеля Стивы. Александра обняла ее за талию.

– Мы пойдем, во дворе погуляем.

– Не, ну ты толком скажи, типа, что там было? – оставив телефон в покое, Филипп взялся за сестру.

– Он сейчас сам приедет и расскажет. Во двор выходи.

В открытую форточку заглядывал светло-синий вечер. Проводив молодежь, приятели замолчали, невольно вспомнив свою молодость, непередаваемое чувство ожидания и волнения, возникающее весной. Оно было столь тонким, трудноуловимым, что приходилось вслушиваться в себя, боясь потерять далекое эхо навсегда ушедших лет. И это вносило аромат горечи в льющийся из форточки прозрачно-трепещущий легкий ветерок.

Стива видел, как застыла улыбка, больше похожая на гримасу, на лице приятеля и невидящий взгляд уперся в столешницу. Стива тоже улыбнулся и положил руку на локоть друга:

– Пойдем подышим.

Во дворе оказалось даже лучше, чем ожидали. Весенний ветер доносил свежий запах влажной почвы, готовой набросить на себя зеленое махровое полотенце. Горизонт был окрашен оранжевой краской. Приближаясь, оранжевый цвет переходил в лазоревосиний.

У подъезда мирно беседовали две соседки. Заехав на тротуар, чутко дремали с открытыми глазами разноцветные автомобили. Повизгивали детские качели. Подростки осваивали езду на доске. Стива поискал глазами дочь. Она сидела с подругой на спинке скамейки в глубине двора, перед ними стояли с банками пива Филипп и Игорь.

– Смена, – сказала соседка, проследив за его взглядом.

– Это точно! – поддержал ее Стива.

– Слышь, Степан Аркадьич, что это за мода такая у молодежи пошла: лысыми ходить? Ну, понимаю, мужчина в возрасте. Его лысина только красит. Взять тебя: хоть и плешив немного, а щеголь! Мне бы годков двадцать сбросить, я б такого селезня не пропустила.

Стива заулыбался.

– Лысина есть у всех, – сказал его приятель, проведя рукой по гладкому темечку, – только некоторые прячут ее под волосами.

Соседки в охотку рассмеялись.

– Давеча, слышь, я говорю, по улице прошли, дети еще. Все наголо стрижены, в кожаных куртках. Как теперь говорят, крутые, – пояснила первая.

– Не крутые это, а «скинь кеды» называются, – поправила ее другая.

– Ага, они самые, – подтвердил Стива.

Хорошее настроение не покидало его. Он подхватил приятеля, и они направились к маленькой компании на скамейке.

– Здравьете, – обернулся Игорь.

– Здравствуй, здравствуй, герой дня, – сказал Стива. – Как чувствуешь себя?

– Как герой дня!

– Это мы видим. За что боремся?

– За правду!

– Понял, не дурак. С ответом затрудняешься. Поставим вопрос по-другому. Против чего борьба?

– Ну, пап... – заныла Александра.

– Что, скучно? – оборвал ее Стива. – Вот подметки отлетают – это не скучно. А во имя чего они отлетают? Скажите мне, во имя чего отлетают подметки?! – настаивал Стива.

– Как бы ясно, во имя чего, – начал Филипп.

– Тебе, может, и ясно, а нам нет, – сказал Стива. – Может, вы боретесь с глобализмом, мондиализмом, космополитизмом и еще с каким-нибудь спиритизмом, не знаю. Но при чем здесь правительство, при чем здесь милиция. Мы-то тут при чем? Мы, что ли, агенты глобализма? В наше время государство, кажется, и есть первый патриот в своем отечестве. И оно

доказывает это каждый день. Да, каждый день в течение нескольких лет. Так зачем же подметки рвать?

Игорь смотрел в небо, поглаживая горло.

– Это не патриотизм, – сказал он. – Это постлиберализм.

– Что? – не понял Стива.

– Клон, – сказал Игорь. – Клон, выращенный в той же матрице.

– Ага, – сказал Филипп.

Девушки переводили взгляд с одного на другого.

– О чем это они? – Стива посмотрел на своего приятеля.

– Дуже умные. Не нам с ними тягаться. Ты бы меня лучше про футбол-хоккей спросил, я б тебе ответил.

– Все элементарно, – снизошел до объяснений Игорь, – пока вы тут боретесь со своими либералами, идет построение империи, либеральной империи. Только не у нас, а во всем мире. Нам тоже отведено в ней место. С патриотами или без. Ваш патриотизм – компетенция страховых компаний, не более того.

– Где ты всего этого набрался? – возмутился опешивший было Стива.

– У нас тоже есть свой Морфеус. И он сражается со своими Меровингерами.

Стива успокоился.

– Теперь понял. Видишь, объяснил, и все стало ясно, – он не скрывал иронии.

– Ну, папа, ну какой ты! Ты не понимаешь! – запрочитала дочь.

– Напротив. Я все отлично понял. Мебиус сражается с этим, как его, Викингиусом. И делится своими соображениями с Игореусом.

Молодежь рассмеялась.

На этом Стива счел нужным окончить разговор и оставить компанию веселиться дальше: последнее слово осталось за ним.

Однако Стиву разбирала досада, на лице застыла недобрая усмешка.

– Здорово они нас! – подлил масла его приятель, явно смягчив последним местоимением высказанную в сердцах фразу.

– Заморочит он им голову, – озабоченно сказал Стива.

– Брось! Разберемся!

– Хоть брось, хоть подними! Когда разберемся, поздно будет. Опасный возраст, опасное время.

– Может, ты и прав, – оглядываясь на дочь, почти согласился приятель.

На следующий день Стива вызвал толстого майора, который был в оцеплении. Стул, на котором сидела Джамшидова, недовольно скрипнул.

– Вы что же вчера как не родные стояли? – попенял майору Стива.

– Обеспечивали согласно приказу.

Стива уставился в стол.

– Другими словами, – наконец начал он, – ты хочешь сказать, что теперь не вмешиваетесь.

Тогда кто?

Майор пожал плечами: начальству виднее.

– Пока никто. Может, ваши? А может, хитрость какая?

– Ваши, наши, – проворчал Стива, глядя на короткую стрижку майора.

Он вспомнил вчерашний разговор с соседками и прищурился.

– Может, эти, «скинь кеды»? – К нему вернулось хорошее настроение.

– Нет, скины вряд ли, – подумав, не согласился майор.

– Ежику ясно, что не они, – весело сказал Стива. – Значит, следует кого-то выдумать?

Черную сотню навыворот.

У него даже дух захватило от открывающейся перспективы. Патриотизм тоже можно клонировать. Он тепло простился с толстым майором: тот оказался славным парнем, навел его на потрясающую мысль.

До конца рабочего дня Стива находился в приподнятом состоянии духа.

Однако светлое завтра еще не наступило. Кислотные краски матрицы и не думали исчезать. А своя проблема в лице Игоря осталась.

Стива понимал, что люди, нравственно нейтральные, предпочитают силу правде. Сам он себя к таким людям-нейтронам не относил, но другого выхода, кроме применения силы, не находил. И тогда он решил, что применение силы – это смелое и принципиальное решение. Он забыл, что смелым и принципиальным оно может быть, когда силы по крайней мере равны. В противном случае человек в ослеплении мнит себя равным небожителям. А небо самозванцев не терпит.

Стива, как хищник, не подавая виду, зорко следил за жертвой и ждал удобного случая. Ждать пришлось недолго.

После похолодания наступили наконец теплые деньки, а с ними выдохлись бдительные экзамены. Молодые глаза заблестели, тела ласкала легкая ткань, походка стала стремительной: чувство свободы, даже временной, освежает.

В четверг солнце, казалось, не собирается покидать небосклон. Дети куда-то пропали, и Стива с женой сидели во дворе на лавочке, поджидая Филиппа и Александру. По асфальтовым дорожкам курсировали с колясками мамыши. Стива не без помощи жены узнавал в них вчерашних школьниц, незаметно выросших на его памяти в старой московской многоэтажке. В Москве время течет быстро.

Кажется, эту мысль он высказал вслух.

– Москва вообще задыхается, – лениво согласилась жена.

– Столица нашей родины, – сказал Стива.

– Жить в ней стало неуютно, – сказала жена.

– Я бы столицу перенес, – сказал Стива.

– В Петербург?

– Счазз. Питер пусть отдыхает, – Стива сделал паузу.

– Так куда?

– Во Владимир.

– Куда-куда?

– Повторяю. Во Владимир.

– Петербург был столицей...

– И Владимир был столицей, – перебил жену Стива. – Согласись, сколь перспективен концептуальный проект такого рода. Я вообще считаю, что обсуждение проектов национального масштаба весьма полезно для нашего общества. В данном случае рациональная идея превращается в идею национальную.

Стива покосился на жену: та сидела вытянув скрещенные ноги и зевала.

– Смотри-ка, Сашенька идет, – встрепенулась она и помахала дочке рукой.

Александра шлепнулась на скамейку.

– Упс! Кого ждем?

– Кого, как не вас, ваше высочество. Да еще братец ваш изволит задерживаться. Где его вечно носит?

Стива молчал, не имея возможности вставить слово.

– Ну, ма-ам! Все уже! Завтра последний раз, и все. Отметим окончание экзаменов, и бай.

– Что еще? С кем это?

– Успокойся. С Филиппом. Завтра у Игоря соберемся ненавязчиво, посидим, музыку послушаем и разойдемся, – Александра для убедительности погладила мать по плечу. – Вот, спросите у него, – и она показала на приближающегося брата.

– Я, типа, не опоздал на тусовку? – спросил Филипп, подходя и устраиваясь рядом с отцом. – О чем базар?

– Прошел слух, что у вас завтра опять гульба, – сказал Стива.

– Как бы вечеринка, – осторожно сказал Филипп. – Ничего особенного. – Он посмотрел на сестру.

– Вот и я говорю! – сказала Александра.

– А ты тут как тут! Без тебя не обойдётся?

Здесь вмешалась жена:

– Ладно, отец, пусть повеселятся. Только чтоб не поздно.

Стива усмехнулся. Филипп заверил, что они вернутся засветло, что им с Александрой поручено закупить напитки и мороженое, а Игорь с утра займется уборкой квартиры и всем остальным. Общий сбор – не позже двух часов, так что раньше сядешь – раньше выйдешь.

– Игорь будет убирать квартиру? – недоверчиво спросил Стива.

Филипп опять посмотрел на сестру.

– Как бы не один. У него есть своя партайгеноссе. Она и поможет.

Стива тоже взглянул на Александру.

– Она старая, – вырвалось у нее. – Ей уже двадцать один год.

– А, тогда конечно, – притворно хмурясь, закивал головой Стива.

Перед сном в голове Стивы внезапно возник план. Выяснить у жены адрес Игоря не составило труда. Осуществление плана было назначено на утро.

Опытные хитрецы имеют свойство попадать в самые заурядные ловушки. Это происходит тогда, когда они интригуют не против лжи, какая присуща им самим, а против правды, которой они не доверяют.

Судьба и есть правда, и не доверять ей, мягко скажем, неосмотрительно. Увы, вам, тем, кто вольно или невольно становится палачом, исполняющим приговоры судьбы, можно морочить голову людям, делая вид, что у тебя все под контролем, но судьба за лукавство накажет.

Утро пятницы выдалось сухим и жарким. Во дворах у тротуаров белым дымом стелился тополиный пух. Из тени под зелеными ветвями небо казалось ослепительно ярким. А ветерок под кронами еще хранил прохладу.

Когда Стива отправился на работу, дети и не думали просыпаться. Птичий гомон врывается в открытые окна, отчего утренний сон делался только слаще. Но Стиве нужно было многое успеть. Не откладывая, он вызвал своих испытанных бойцов, назвал им адрес Игоря.

– В общем, так! Обеспечьте силовое задержание. Можете не церемониться. По полной программе. Их должно быть максимум двое. Пацан и девка. Если больше двух – извинитесь и уходите, ясно?..

– Повторяю: никаких понятых, никаких свидетелей...

– Куда? Куда? Никуда! Оставьте их в квартире, дверь не запирайте...

– С телкой? А мне какое дело. По обстановке...

– Да, и вызовите «скорую». Скажите срочно, чтобы одна нога здесь, другая... другая тоже здесь!

Ах, какое было утро!

Александра встала раньше Филиппа. Пошла в ванную. Он проснулся, когда сестра включила фен.

Они все-таки захватили пусть позднее, но утро с его порциями тенистой прохлады, пережеваемой горячим солнечным душем. Бледно-голубая тенниска Филиппа и светлые брюки на солнце давали тень такого же цвета, как и розовое в белую полоску платье Александры. Могу-

чие деревья в сквере замерли, лишь изредка трепетали листья на вершинах. И тут в тишине вдруг зазвонил мобильный телефон Александры. Сестра с братом вздрогнули. Филипп едва не выронил пустой рюкзачок, который нес в руке.

А Стиву все утро не покидало чувство радостного подъема, как будто он спланировал удачную операцию. Освободившись от срочных дел, он решил позвонить Джамшидовой, чтобы вызвать ее в кабинет и здесь же, впившись губами в затылок, согнуть над столом, выплеснуть энергию, не дающую покоя ни телу, ни мыслям. Джамшидовой не оказалось на месте. Зудящая мелодия вывела его из оцепенения. Стива прижал трубку к уху.

– Мы на месте, – услышал он. – Во дворе никого.

– Добро, – сказал в трубку Стива.

– Все! Сейчас ориентируемся на месте и ходу... – Телефон отключился.

Стива представил, как трое его бойцов направляются к подъезду. Он позвонил домой. Трубку сняла жена.

– Дай-ка мне Филиппа.

– Они ушли.

– Давно?

– Порядочно.

– Ладно. Если вернутся или позвонят, скажи, что вечеринка откладывается.

– Почему?

– Я так решил.

– Сейчас, подожди.

– С кем ты там разговариваешь?

– С Игорем.

– С Игорем? А он что, у нас?

– Уже уходит.

– А они где?

– Сейчас, – голос пропал из трубки, потом вновь вынырнул. – Он говорит, у него.

– Как у него, они же собирались в магазин!

– Переиграли, что им стоит.

– Точно?

– Наверное. Разве их поймаешь. У них семь пятниц на неделе.

– Все! Пока!

Стива, как во сне, положил трубку на аппарат. Глаза его перебежали с одного предмета на другой, но не видели ничего. Где-то в районе солнечного сплетения образовалась волна, которая побежала вниз, вызывая дрожь в теле. Мысли вначале разбежавшиеся, петляя, словно зайцы, остановились и, наконец, стали собираться к центру, который назывался надеждой. Он набрал номер телефона. Но никто не отвечал. Время было дорого, и он набрал номер Александры. Здесь тоже долго не подходили. Стива, пытаясь унять дрожь, ждал. Каждый гудок в трубке вонзался в мозг, отнимая зрение.

Трубку взял Филипп.

– Аллю, Филипп, ты где?

– Мы тут, как бы у Игоря, а что?

– Ты вот что! Слушай меня внимательно. Быстро хватай Александру – и вон из квартиры. Бегом. Ты понял? Бегом. Бегите по лестнице вверх. Вверх, ты слышишь?

– Ладно, сейчас. Типа что-то случилось?

– Потом все объясню. Быстрее. Прощу вас.

Стива выбежал из кабинета. Увидев секретаршу, он вспомнил, что шофер ушел обедать. В этот момент открылась дверь и в приемную вошла Джамшидова. Он бросился к ней:

– Ты на машине?

Она кивнула.

– Подвезешь?

– Без проблем. – Она внимательно посмотрела на него, но у Стивы не было времени на объяснения, он увлек ее к выходу...

А дело было так. Девушка, товарищ Игоря, не смогла прийти утром, и он позвонил Александре. Брат и сестра поймали водителя-частника и через четверть часа оказались у Игоря. Филипп настоял, чтобы Игорь отправился в магазин и завез им домой упаковку пепси. Сами же они, получив инструкции, стали освобождать одну из комнат для приема друзей.

...Стива выбежал на улицу, там было настоящее пекло. Он отыскал глазами серебристый «ланцер» Джамшидовой. Она очень гордилась своим «уланом», но сейчас было не до того. Кондиционер заработал на полную мощность. Через минуту «ланцер» каплей ртути влился в раскаленный город, кончающийся от автотромбоза. К счастью, пятница давала городу перевести дух. Машина хоть и рывками, но все-таки двигалась, а не застывала на месте, стиснутая со всех сторон своими товарками, век бы их не видеть...

Трое бойцов сначала разошлись в разные стороны, затем спустя время, не торопясь, вразвалочку, направились к подъезду. На двери стоял шифр-замок. Они осмотрели его, поколдовали немного, но замок не поддавался. Тогда они набрали номер квартиры. Протяжный девичий голос поинтересовался: кто там?

– Свои, – сказал один из гостей с ухмылкой.

– Не открывай, дура, – донеслось до них из переговорного аппарата.

Аппарат шмыгнул носом и отключился.

Они не смутились, набрали номер другой квартиры. Дождались ответа.

– Дешевый сахар, – сладким голосом сказал один из них.

– Почему? – деловито осведомилась квартира.

Бойцы переглянулись, «продавец» пожал плечами, его приятели, сдерживая смех, молча скалили зубы.

– Чем больше возьмете, тем дешевле, – наконец нашелся он.

Замок запищал, дверь открылась. Они вошли.

– Не закрывайте, – донеслось до них.

Они оглянулись: следом семенил, помахивая газеткой, невысокий, в годах, местный житель, работяга, нехстати спешащий домой на обед. Дверь захлопнулась у него перед носом.

В сумраке подъезда бойцы привычным жестом опустили черные шапочки на лицо, отверстия для глаз и носогубная прорезь сделали их лица зловещими. Однако входная дверь снова запищала и открылась, впуская свет и нагнавшего их жильца.

– Коля, проконтролируй, – сказал один из них, торопясь на второй этаж.

Коля Калькулятор задержался на лестнице.

Наверху послышались пререкания, и линия нападения рванулась вверх. Филипп, оглядываясь, тащил вверх по лестнице упирающуюся Александру. Она, увидев вынырнувшие снизу черные головы с глазами-блюдцами, дико закричала. Черные головы молча запрыгали вверх, как мячики.

Если бы не Александра, они бы не настигли Филиппа. Но когда это произошло, он повернулся лицом к нападавшим, готовясь принять бой. Он был не из тех, кто кричит: не бей меня, я тебя люблю! Одна из черных масок успела зажать Александре рот, но другая, добравшись до Филиппа, получила удар ногой в лицо. Филипп поскользнулся, потом, как в замедленной кино съемке, он увидел черный мяч, летящий ему в живот, успел подставить руки и больно ударился лопатками о ступени. Замелькали руки, но он не чувствовал боли. Его стащили по ступеням вниз и втокнули в квартиру. Он сидел под вешалкой, когда один из нападавших ушел, потом вернулся, что-то сказал второму, они ушли оба и больше не возвращались. Потом он увидел перед собой Александру, плачущую, но целую и невредимую...

Когда серебристый «ланцер» затормозил во дворе, только листья на деревьях встретили его легким трепетанием. Мир и покой царили в этом уголке большого города. Стива переглянулся с Джамшидовой и не слишком решительно пошел к дому. По мере приближения к подъезду его походка приобретала все большую твердость. Он набрал номер квартиры и спустя вечность услышал голос, похожий на голос его дочери.

– Это папа, – сказал он, его голос тоже показался ему незнакомым.

Первое, что они увидели, войдя в подъезд, была липкая, темная с красным отливом лужа. Они снова переглянулись, и Стива опустил голову.

– Осторожно, – сказала Джамшидова и повела его наверх.

В дверях уже стояла Александра...

Затащив их в квартиру, черные маски вспомнили о Коле Калькуляторе. Пришлось спуститься вниз. Одного взгляда хватило, чтобы оценить серьезность положения. Все! Всей операции – пинцет!

Коля Калькулятор лежал в парадном, держась за голову, тело его вздрагивало. Пол в клеточку был залит кровью.

Через минуту Колю положили на заднее сиденье, и машина помчалась в госпиталь.

Произошло то, чего предвидеть невозможно. Коля Калькулятор, который кулаком вышибал дверную раму, повстречался с пролетарием, всю жизнь отдавшим расположенному неподалеку заводу. Секунды хватило ветерану, чтобы понять, что если и не пришел его последний час, то быть ему оставшуюся жизнь калеккой. Чем тут защитишься? Разве что газетой.

Вот в ней-то все дело. Вынес в обед папаша с завода кусок железной арматуры, а чтобы не светиться на проходной, обернул его газетой. Презирал он с юности всякие там японские способы мордобития, в особенности когда дерутся ногами. Разозлился на этого здоровенного бугая в маске до невозможности. Вот и треснул его изо всей силы газетой по чану. И не пожалел. Развелось этих рукосуев, как тараканов, а станки стоят! Уже дома заметил, что руки дрожат и колени слабеют. Коля Калькулятор беззвучно, мешком упал, где стоял. Абзац! Пролетарии всех стран, опять соединяйтесь!

В конце августа Филипп вышел из больницы. Врачи опасались, что детей у него не будет, но он все-таки вышел здоровым. А Калькулятор не прожил и суток. Умер, не приходя в сознание. Стива помянул его с бойцами, взял с них обещание не мстить: осенью он должен был надеть, наконец, генеральскую форму. Джамшидова смотрела на него неотпускающим взглядом.

Она сидела на привычном месте в его кабинете, а Стива негромко, но убедительно рассуждал о благе отчизны, необходимости больше опираться на молодежь, о роли юношества в деле обеспечения стабильности всех слоев общества. Глаза Джамшидовой были похожи на глаза кошки, готовящейся прыгнуть вам на колени.

Здесь опять зазвонил телефон, это экологическое наказание за грубо вспаханное информационное поле.

– Степан Аркадьевич, позволь тебя поздравить, – загремел в трубке знакомый голос, и, судя по повеселевшим глазам Стивы, слова, произнесенные далее не так громко, пришлись ему по душе.

Стива только успевал вставлять междометия, поискал глазами календарь. Вот: вторник, 31 августа.

– Спасибо, – наконец сказал он. – С меня сто грамм и пончик, – он засмеялся.

Все шло как надо. Щелкнув трубкой, он шагнул к Джамшидовой, его руки легли ей на плечи и, не задерживаясь, как две змеи, скользнули на грудь...

Когда они вышли на улицу, темное небо над Москвой было затянуто тучами. А далеко на Юге, на широте Грозного и Беслана, небо было ярко-черное, усыпанное звездами, манящее глубиной. Оно распростерлось над взрослыми и детьми, которые уже приготовились ко сну.

Привычным казалось это знакомо-незнакомое небо, потому никому в голову не приходило отыскивать на нем созвездие Змееносца. Между тем Змееносец не спеша, звезда за звездой, прятался за горизонт в западной части неба. Наконец, осталась только одна голова змеи, она удовлетворенно осмотрела притихшее пространство и исчезла в темноте. Завтра – трапеза в Беслане. Наступал новый день – первое сентября 2004 года.

ТОПОР ВОЙНЫ

*Быстро ему отвечал воинственный
сын Гипполохов:
«Сын благородный Тидея,
почто вопрошаешь о роде?
Листьям в дубравах древесных
подобны сыны человек:
Ветер одни по земле развевает,
другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает,
и с новой весной возрастает;
Так человеки: сии нарождаются,
те погибают.
Если ты хочешь, тебе я о том
объявляю, чтоб знал ты
Наших и предков и род; человекам
он многим известен.*

Гомер, «Илиада», Песнь шестая

В послеобеденное время 9 мая 1942 года у ворот конюшни московской кавалерийской школы, что в Сокольниках, стояли лицом к лицу два человека. С их синими фуражками рисковало соперничать только небо. Один из них, постарше чином, но помоложе возрастом, имел достаточно ромбов в петлицах, чтобы любой проходящий мимо норовил сделать большой круг, а то и вообще повернуть назад. Чин этот постукивал хлыстиком по сапогу:

– Если тебе попалась норовистая лошадь, Яша, первым делом пошли ее вперед. Самое опасное – стоять на месте. Вперед и только вперед. Так то, брат!

Второй, невысокий и крепкий, тот, что постарше, выглядел как человек, работающий на свежем воздухе, тогда как его собеседник больше походил на кабинетного работника.

Этот кабинетный работник, с точеным лицом и густыми черными волосами вечно взбирающегося на вершины и вечно гонимого племени, после ареста Берии, когда придет его черед последовать за своим всесильным шефом, будет отстреливаться от опергруппы, пока пуля, вращаясь, не войдет ему на вдохе между ребер.

Не знали они, не предполагали даже, что их ждет впереди, вложив свою судьбу в руки партии. Оба стремились на фронт, да только в НКВД ты всегда на фронте, вернее, за линией фронта, в тылу врага, и враг в тылу у тебя. А кто твой враг, за тебя решат, а если устранился, то ты сам решишь, кем тебе быть – врачом или палачом? А кто решить не может, становится ненавистным мытарем.

Не знал первый о своей судьбе, о строительстве после войны подземного комбината для наработки оружейного плутония, комбината огромного и жуткого по своему местоположению, будто целый микрорайон Москвы загнали под землю. Не знал второй, что его имя будет вписано в историю партизанского движения. Оба надеялись на удачу, то есть надеялись на справедливость, но не верили в нее. Они не были философами, более того, презирали философию, хотя и признавали, не вникая в суть, авторитет диалектического и исторического материализма.

Они не знали, сколько еще продлится война, кажется недолго. Рокоссовский и Власов остановили фрицев под Москвой. Теперь наступать и наступать. Вернуть Харьков. Выровнять линию от Гомеля до Николаева. И – вперед, только вперед!

Они не знали, что вчера противник нанес удар в районе Керчи. Что через три дня начнется, а через две недели провалится операция под Харьковом. И что огромные запасы горючего и боеприпасов, которые никак вовремя не могли доставить войскам по адресу, будто специально сохраняют для немцев. Что грядет окружение при попытке прорыва блокады Ленинграда, которую проглядел самоуверенный Жуков ранней осенью сорок первого, легкомысленно уступив линию железнодорожного сообщения с востока. Что впереди бои и потери на Калининском и Западном фронтах под Ржевом и Сычевкой. Что война продлится еще целых три года. Ничего этого они не знали.

В это самое время на юге маршал Тимошенко с Хрущевым и Баграмяном были уверены в своем несомненном превосходстве и решили, что силами ЮгоЗападного и Южного фронтов, имея тройной перевес, освободят Харьков, показав армии Паулюса и армейской группе Клейста где танки зимуют.

Увы! Паулюс получил Рыцарский крест. Генералы Костенко (заместитель командующего Юго-Западным фронтом), Городнянский, Подлас, Бобкин, Анисов, И. А. Власов, Куглин и другие – по звезде на могилах. В барвенковскую западню немцев тогда попало более двухсот тысяч солдат.

Чрезвычайное самомнение сыграло трагическую роль в столкновении Рабоче-крестьянской Красной армии и германского вермахта. Советско-германский договор августа 1939 года поощрил Гитлера на захват части Польши. Советскому Союзу тогда тоже перепало и вернулось немало польской территории. А пока немцы втягивались в войну с Европой, можно было «порешать» вопрос с малыми прибалтийскими странами и Финляндией, ведь и они рассматривались нашими вождями как утраченные по недоразумению земли. А что потом?

Что потом? Спустя пару лет ослабленную войной Европу можно было бы пропахать советскими танками насквозь и даже глубже и пронести идею мировой революции, по крайней мере, до Атлантики.

И вот уже к началу лета 41-го Красная армия двинула к западным границам столько танков, сколько не имели все армии мира, вместе взятые. И почти столько же самолетов. И сотни дивизий. Куда там немцам! У них танков и самолетов было раз в шесть-семь меньше: «шапками закидаем», как в русско-японскую.

Закидали. Гитлер ждать не стал, гад, ударил так, что искры посыпались. На всякий случай он еще раньше подстраховался: знал, подлюка, с кем дело имеет. Наметил, усатый, план «Красная борода», в смысле «Барбаросса».

Сбрендил, что ли?! Да каждый наш средний и тяжелый танк мог сражаться с десятком немецких танков, самых лучших. Бывало, до 200 попаданий выдерживал, и хоть бы что! Выведи наши полторы тысячи Т-34 и КВ против жалких немецких трех с лишним тысяч, так половину «панцеров» просто подавили бы, а остальные – пожалуйста, расстреливай не боясь, как уток.

Но немецкие генералы не вывели танки на Куликово поле, коварно воевали, не только огнем, но и маневром. Запутывали, приемчики всякие применяли, ударчики в чувствительные места, не предупреждали, котяры, не извещали: мол, выходи в поле, сразимся лоб в лоб по честному.

Оказалось, наши генералы не готовы к такой странной войне, когда противник не дается, а сам бьет с разных неожиданных направлений. А ведь тоже ученые были: целых три класса образования и два коридора. И языки тоже знали: русский и русский матерный.

Имей хоть золотые горы, хоть разбитое корыто, все равно твой настоящий размер ограничен уровнем твоей культуры.

Короче, не помогла техника и большие батальоны, пока воевать не научились. Учеба не бесплатная. Несколько миллионов пришлось заплатить. Оплата не рублями, солдатами.

Умелый и безжалостный боксер-легковес, «стыкнувшись» с крупным мужиком, ловко уходит от удачных размахов, бьет точно и сильно, словно конь копытом, в солнечное сплетение, в печень, в подбородок. Гигант теряет дыхание, потом равновесие, из носа идет кровь, огромное тело падает, и пока организм, защищаясь от боли, не втолкнет в кровь анальгетики, пока боль не впрыснет в сосуды запасы тестостерона, пока не пробудится инстинкт самосохранения, пока тело не вспомнит звериные ухватки, пока не мобилизуются отвага и воля, он будет получать удары один сокрушительнее другого. Но если не выйдет его добить, если получит он подмогу от собственного организма, то встанет неузнаваемый, опухший, окровавленный, бросится медведем на противника, сожмет его в страшных лапах и хрустнут косточки у обученного врага. И поминай как звали ловкого боксера! Так-то!

А тем временем два наших собеседника в Сокольниках наслаждались кратким покоем, невольно замедляли шаг, стараясь отдалить момент погружения в суровую действительность, которая ожидала их за воротами кавалерийской школы. Солнце и в войну как ни в чем не бывало посылало свои лучи и полководцу и солдату, и герою и предателю, и бойцу невидимого фронта и начальнику с портрета. В лучах дневного светила лоснились лошадиные спины, блестя отполированные руками перила манежа, липкие листочки на деревьях, крылья грачей и даже почва, в которую черные птицы погружали свои белые носы.

Неповторимый свежий запах, идущий от земли, едва проснувшейся под тончайшим зеленым одеялом, еще сладко потягивающейся в предвкушении скорых летних каникул, смешивался с запахом сена в конюшнях, лошадиного пота, кожаной амуниции и сухого конского навоза. Этот запах, родной для тех, кто вырос на земле, действовал наркотически и на горожанина, включая через память поколений чувство покоя, уверенности, готовности идти куда-то на край света в ожидании обязательно приятных событий, короче – чувство счастья. Так хорошая песня или внезапно развернувшиеся перед глазами просторы завораживают, запускают душу в полет. Хотя, пожалуй, запах проснувшейся земли действует сильнее.

– Ничего не удастся контролировать до конца, Яша, – говорил тот, что помоложе. – Только подгонять, нестись вперед. Это все, что нам остается. Никогда не знаешь, что там, за поворотом. Сложен исторический материализм, а жизнь сложнее.

Они вышли из ворот на Поперечный просек. Аллея просматривалась в обе стороны. Говорящего ожидал новенький «кадиллак-62», длинный, как торпеда, но, в отличие от торпеды, с крылатой фигуркой на капоте.

– Тебе когда к Обручникову?

Обручников был начальником единого отдела кадров НКВД.

– Двадцатого.

– Ну, тогда до метро? Поедем?

– Поехали.

Старший из собеседников, но младший по чину Яков Иванович Мельник, полковой комиссар, особоуполномоченный 3-го управления НКВД, вызванный Обручниковым, ожидал нового назначения.

* * *

Ей повезло. Она осталась жива. Можно ли найти нетронутым хоть малюсенький кусочек, пропущенный через мясорубку? Оказывается можно. В 41-м под Вязьмой таких везучих оказалось немного. Выбралась буквально из-под мертвых тел. А начинала санинструктором в 53-й кавалерийской дивизии комбрига Мельника Кондрата Семеновича.

Она с бойцами, потом в одиночку выходила из окружения, но не вышла. Пока шла, основной заботой было выжить. К холоду нельзя привыкнуть, нет ничего хуже холода. Согреться,

поесть, помыться – в этом весь смысл равнодушного к тебе потока времени. Под копной светло-каштановых волос голова чесалась и зябла.

На путь от Спас-Деменска через всю Брянскую область ушла осень. Выходила к жилью, как Маугли, одичавшая, деревянная, с трудом выталкивающая слова, хозяйки и жалели и пугались ее. Та в Локтево, которая приняла звереныша, дождалась человеческих слов и рассказа о злключениях. Но оказалось, что злключения эти – только прелюдия к главной теме, к тому, что еще не случилось.

Брянщина – партизанские места. В 41-м организацией партизанского движения занимались и разведуправление Красной армии, и НКВД, и местные органы власти, и даже штабы инженерных войск. Каждый партизанил, как мог.

В Москве о партизанах были осведомлены плохо. В брянских лесах действовал отряд какого-то Колпака. Это был будущий дважды Герой Советского Союза Сидор Ковпак. Председатель Горсовета Путивля, он пришел с территории Украины. А поручение организовать отряд получил от райкома партии.

Другой будущий Герой, Александр Сабуров, создал отряд, представившись заместителем наркома внутренних дел Украины, хотя на самом деле работал пожарным на курсах ГУЛАГ НКВД в Киеве.

Сталин относился к партизанскому движению прохладно: он не любил самодеятельности. Основания для такого отношения были. Что могло думать руководство, до которого доходили, к примеру, донесения, подобные следующему?

Секретарю ЦК КП(б)У
тов. Спиваку М. С.
копия: тов. Хрущеву Н. С.
Харьковская.

Харьковским областным комитетом партии и Управлением НКВД был сформирован партизанский отряд численностью 47 человек под командованием Рудченко и направлен в Киев.

В г. Киеве командир и комиссар отряда получили задачу перебраться через линию фронта и следовать в район Винница – Бердичев для организации партизанской борьбы против немецких захватчиков. Отряд был снабжен радиостанцией.

Вышедший с территории, временно занятой противником, бывший начальник пункта формирования партизанских отрядов в Киеве младший лейтенант Маримуха доложил, что после занятия г. Киева немцами он, Маримуха, встретился в городе с командиром партизанского отряда Рудченко, который ему заявил, что все партизаны его отряда находятся в Киеве, оружие спрятали в лесу и что он с рядом других людей из отряда решили зарегистрироваться в немецкой комендатуре.

На сделанное Маримухой замечание Рудченко, что подобное поведение является предательством и что необходимо приступить к выполнению взятых на себя обязательств, последний категорически отказался и направился в немецкую комендатуру.

Приняты меры к проверке этих сведений.
Зам. народного комиссара
внутренних дел УССР С. Савченко
24 ноября 1941 г.
п. Меловое

Ворошиловградской обл.

Чтобы внести какой-то порядок, решили организовать Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Однако после того, как остановили немцев под Москвой, Сталин посчитал, что теперь погоним врага назад. Ошибочка вышла: оказалось, война только начинается. Провал Харьковской операции выявил это ясно и недвусмысленно. И 30 мая 1942 года штаб все-таки появился, а Ковпаку и Сабурову в разгар боев на Юго-Западном и Южном направлениях вручили звездочки Героев. ЦШПД просуществовал до марта 43-го, потом то возникал, то исчезал и исчез окончательно в январе 44-го.

Локтево, населенный пункт, где она, выжившая в мясорубке, остановилась у сердобольной женщины, до ее прихода брали партизаны Сабурова. Отряд разжился трофеями и продовольствием, часть продовольствия раздал местным жителям и ушел. Многие из местных поехали на восток. Теперь сюда пришли немцы и все, кто им помогал. Занесло даже украинских националистов из организации Андрия Мельника и Степана Бандеры.

За зиму в теплой избе она немного вошла в тело, взгляд перестал напоминать взгляд волчонка, волосы стали отливать золотом, а ногти – идущим изнутри розовым светом. Ей было только двадцать, только двадцать лет. Имя – Антонина. Чтобы как-то жить, пошла работать в местную амбулаторию. Так бы и прослужила, вскрывая фурункулы полицейским, леча ожоги и перевязывая легкие раны немецким солдатам, но судьба распорядилась иначе.

Однажды ей случилось делать перевязку одному парню из полиции: у него в руках разлетелась старая винтовка забытого калибра 10,67 мм. Винтовку при ней бросили в дровяной сарай. И здесь, в сарае Антонина увидела пулемет.

Фильм про Чапаева она смотрела много раз. Вот бы быть такой, как Анка-пулеметчица! Когда видела пулемет, обмирала. В дивизии в свободную минуту вечно крутилась возле пулеметов. Бойцы научили ее всем хитростям, только до боя дело не доходило. В мечтах она, как Анка, подпускала врагов поближе, и – в упор, в упор... Никакое оружие с ним не сравнится. Даже пушка. Дура тяжелая. Стреляет редко, а куда, не видно. То ли дело пулемет с гладкими щечками! Только поведешь стволом, и все уже лежат, мертвые – лицом вверх, живые – лицом вниз.

Ржавеющий в сарае у полицейских трофейный «максим» имел неважный вид. Что-то в нем заедало, и полицейские, русские парни, по обычаю махнули на него рукой: налаживать лень, а выбросить жалко. Но она не могла оторвать от него взгляда, присела перед ним на корточки, погладила кожух, провела рукой по бронещиту, потом подтянула пулемет к свету, откинула крышку короба и заглянула внутрь. Она могла собрать и разобрать его с закрытыми глазами. Сразу увидела, что возвратная пружина отсоединилась от цепочки.

– Никак кумекаешь в этом деле? – спросили ее.

– Еще бы!

– Можешь взять в ремонт?

– А то!

Решили дать девке пулемет на пробу. Не одна она фильм про Чапаева смотрела. Помогли довести до дому, снабдили машинным маслом, ветошью.

Тем временем немцы сочинили распоряжение: силами полиции ликвидировать всех заключенных в связи с поступлением новой партии.

Рядом со зданием полиции помещалась тюрьма. Сильно сказано – тюрьма: три камеры по девять нар в каждой. Обычно полные. Уголовники, мародеры, попадались политруки и партизаны, а также сочувствующие партизанам. Когда поступал новый заключенный, шли в комендатуру, чтобы согласовать, кого можно «попросить освободить место». Его выводили к яме и расстреливали. Но охотников расстреливать никогда не находилось. А тут предстоял массовый расстрел.

Пытались отбиться от такого заказа, и так и эдак крутили. Не поднималась рука у бедовых парней. Злых по-настоящему не хватало. Самогон дела не решал: по пьяни парни, наоборот, обниматься лезли, слеза выступала.

Немцы помочь обещали, но что-то и у них забуксовало. Уже гестаповский начальник стал присматриваться к ситуации. Даже немецкому коменданту неуютно сделалось, но отступить он не собирался. Вот тут-то судьба-дороженька и привела к воротам нашу Анку-пулеметчицу.

Пулемет было не узнать, блестел, что твой самовар. Антонина тоже вся сияла. Однако сейчас не до нее было. Увидев озабоченных полицейских, она смутилась. Когда же ей растолковали задачу, не раздумывая рубанула:

– Посечь всех из пулемета!

Сначала, конечно, посмеялись, а затем пораскинули мозгами, но недолго.

– Вот ты и секи! Заодно и пулемет проверим.

Немцы подивились, но сказали «гут».

Как это было, она помнила плохо. Все происходило как в горячке. Не крови боялась, не убийства, боялась, как бы техника не подвела, как бы не опозориться на виду у всех, мол, взялась, а не смогла. Ее лихорадило: кто кричал, кто на колени падал, она не заметила, но когда взялась за рукоятки, нажала на спусковую клавишу и пулемет забился в руках, выплевывая смертоносный свинец, успокоилась и повела стволом, как в кино. И как в кино, люди повалились в снег.

Она запомнила только четкость фигур в предвечернем свете, ясность закатного дня да скрип прихваченного морозцем снега во внезапно наступившей тишине.

Акция проводилась на исходе дня. Вместо слепых сумерек вдруг высоко засветилось лазоревое небо, окрашенное по краю брусничным закатом. На снег легли длинные лиловые тени. А кровь была цвета фиолетовых чернил. Пролившихся, бездарно пошедших на кляксы. А ведь могли сложиться в несущие смысл строки...

Думал ли кто-нибудь об этом? Иные отвернулись, иные молились, иные философически вздыхали, иные смотрели, набираясь опыта хищника или стервятника, в зависимости от склонности характера.

Медсестру кровью не испугаешь. И мертвые, и раненые для нее привычны. Убитых и умирающих она насмотрелась столько от Вязьмы до Спас-Деменска, что и не сосчитать. Сама, правда, никого не убивала, но ничего исключительного в смерти уже не видела.

Ноздри ее раздувались, как у победителя, щеки стали ярче зари, глаза сверкали, копна волос все время выбивалась из-под платка. Присутствующие немцы смотрели на нее как на валькирию. Шарфюрер СС одобрительно покивал и сам прошел, поскрипывая сапогами, между упавшими с пистолетом в руке. Несколько раз выстрелил. Сказал, что вообще-то достреливать раненых – ее обязанность.

Каждый знает: первый раз не считается. В горячке, с перепугу, в состоянии аффекта, в экстазе многое можно сделать. Первый раз получилось – еще не мастер. Мастер тот, на кого положиться можно. Поэтому немцы во второй раз тоже пришли. Во второй раз добиться успеха куда как сложнее! Здесь все глаза на тебя. Хватит ли способности, не обманулись ли в тебе? Недоброжелатели уже появились, но есть и болельщики: давай, мол, мы в тебя верим.

Второй раз трудно было, но справилась. Германец тот, эсэсовец, дал ей пистолет. Она стреляла с закрытыми глазами, кажется, попала, но он потом продублировал, однако не рассердился, фыркнул только. Хоть и немчура, а башка на месте: понимает, что она тоже человек. А человеку все сразу не дается.

Статная, как Брунгильда, она понравилась немцам. Стала палачом. И пошло, и поехало. Платили за это хорошо. Одежда и вещички казненных, если хороши были, ей переходили. Сам оберштурмфюрер СС вальтер подарил. Теперь у нее и комната своя образовалась. Все местные

выказывали уважение, побаивались вернее. Ну, так что ж? Русский человек если хоть капельки страха не имеет, то и не уважает.

Списки вела немецкая комендатура. Женщины, подростки, не только мужчины. Сколько их было, она не считала, расписывалась не глядя.

Яма. Всех выстраивают. Она видит только спины. Стоят, ждут, покрываясь холодным потом. Большинство мужчин и мальчишек умирали с честью. Никому из них не хотелось позориться перед бабой. Последнее лицо, которое они видели перед смертью, было ее – женское лицо.

Поглаживает пулемет. 600 выстрелов в минуту. Так много и не нужно. Но и экономить не сэкономила. Бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу! Все! Она встает, шагает к яме, достает вальтер. Тому, кто шевелится, выстрел в голову. Теперь дело за похоронной командой.

Как-то в тюрьму попало несколько красноармейцев. Их никто расстреливать не соби-рался, их этапировали в Винницкий концентрационный лагерь. Один привлек внимание, Мельник Олег. Чем привлек? Во-первых, тоже из Москвы, а она считала себя москвичкой, хотя выросла за заставами в подмосковном Кусково. Еще? Еще улыбка хорошая. Не злая. Немного смущенная. Такая была у одного мальчика из ее класса. Сто лет назад. В другой жизни.

* * *

В тюрьму Олег Мельник угодил по-дурацки. Нет, красноармейцем он был настоящим, и даже в плен попал, еще летом, в начале войны. Попал в знаменитую Уманскую яму, концлагерь на Украине. Но бежал. Немцы такого количества пленных тогда не ожидали. Окружали сотни тысяч солдат. Не то что кормить-поить, но и сторожить сил не хватало.

Вернулся в строй, влип в Вяземский котел. Оказался в немецком тылу, переоделся, махнул на войну рукой, устроился в селе учителем алгебры и геометрии, благо сохранил при себе справку, что окончил два курса Московского университета.

В 41-м из-за этой справки райвоенкомат приписал его к артиллерии. А он хотел в кавалерию. Но артиллерия – та же кавалерия, только сзади пушка тащится. Кони в орудийной запряжке крепкие, ширококотелые. В конце весны от них кожа на ляжках у Олега стала гладкой и упругой, как у женщины, все волосы с внутренней стороны бедра вытерлись о седло. Он хотел сдать на значок «Ворошиловский всадник», но не успел. В плену волосы снова начали отрастать, как у какого-нибудь пехотинца.

Зрение со школы было так себе, а после всех приключений вообще испортилось. Какой из него теперь воин? Аусвайс у него был настоящий, как в справке написано, на имя Мельника Олега Игоревича. Немцы то оставляли их село, то опять занимали, наконец, обосновались и власть назначили. А он ходил в школу-семилетку в Локтево учить детей решать уравнения и вписывать прямоугольный треугольник в окружность.

К концу зимы с запросом из школы он отправился к бургомистру за дровами. Учителю полагайся свой кубометр дров.

– Э, нет! – сказал бургомистр. – У тебя в запросе что написано? Мельник Олег Игоревич. Так? Так. А в твоём удостоверении что написано? Олег Игоревич. Видишь? Без мягкого знака. Неувязочка! Ты не Игоревич, а Игоревич. Понял? И дров тебе, стало быть, не положено. Вот придет Игоревич, ему дам. А ты – не он!

Что тут возразишь? Логично. Поморгал наш математик глазами, да и пошел в школу новую заявку оформлять. Но это не беда. Беда позже пришла. Местное гестапо разбирало захваченные у Красной армии архивы и натолкнулось на документы нашего героя. Выписали бумагу на арест. Сам бургомистр привел оберштурмфюрера СС и двух полицейских-украинцев из батальона шуцманшафтен на квартиру учителя. Оберштурмфюрер в дело не вмешивался, смотрел по сторонам, будто его ничто не касается. Бургомистр бумагу учителю под нос

сунул: давай, собирайся. Олег посмотрел в бумагу, прищурился и присвистнул. Там отчество написано: Игорьевич.

– Здрасьте пожалуйста! – говорит. – Не к тому пришел, дядя. Я – Игоревич, видишь?

Бургомистр побагровел, а шуцманы выругались и винтовки с плеч поснимали. Немец даже от настенных фотографий оторвался, обвел всех глазами. Лицо его не украшал, но и не портил дуэльный шрам, полученный в университете.

– Что такое? – спрашивает по-русски. – Почему шум?

Бургомистр сдержался, пояснил немцу, в чем повестка дня. У немца глаза повеселели. Смотрит он внимательно то на Олега, то на бургомистра. Видно, и до него дошел тогда анекдот с дровами. «Кви про кво», что означает на латыни «одно вместо другого».

Полицаи присмирели. Во дает германец! И то! Порядок превыше всего!

Отряхнул немец фуражку, нацепил ее на голову и приказал бургомистру и шуцманам бисовым выкатываться из избы. «Дура лекс сэд лекс» – закон суров, но это закон. А также «литтера скрипта манет» – что написано пером, не вырубишь топором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.